

№5

Май 2020

РУССКИЙ КЛУБ

საქართველოს ბატალიონის მეთაური
კონსტანტინე ნინოლაშვილი
Константин Нинолаевич
Лебединце
1903-1944

Стр. 6

ГРУЗИЯ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

75

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДZE
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№5⁽¹⁷⁵⁾
Май 2020

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ГРУЗИЯ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
ЛЕВАН ДОЛИДZE
- 22 ОТ КАВКАЗА ДО БЕРЛИНА
ВАСИЛИЙ БОНДАРЕНКО
- 32 НЕВЫДУМАННЫЕ ЛЕГЕНДЫ. ПРО ХАШИ
И ПИСТОЛЕТ МАКАРОВА
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 34 ТАЛАНТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК ТАЛАНТЛИВ ВО ВСЕМ!
ИННА БЕРИДZE
- 38 «ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ИСКУССТВО,
ЗАТРАГИВАЮЩЕЕ СЕРДЦА»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 46 СКАЗКИ ГРУСТНОГО ЧЕЛОВЕКА
ЕКАТЕРИНА ХИНЧАГАШВИЛИ-КАПАНАДZE

На обложке – ПАМЯТНИК КОНСТАНТИНУ ЛЕСЕЛИДZE. ТБИЛИСИ
Фото: Александр СВАТИКОВ

от а до я

Роб АВАДЯЕВ

ПЕРВЫЙ ГРУЗИНСКИЙ СТУДЕНТ В УНИВЕРСИТЕТЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Выдающийся грузинский философ, журналист, педагог и просветитель начала XIX века Соломон Иванович Додашвили был известен в России, как Додаев-Магарский, по месту своего рождения – деревне Магаро в современном Душетском районе Грузии, тогда входившей в состав Российской империи. Днем его рождения принято считать 17 мая 1805 года. Сохранились записи, что Соломон родился на майские именины Андроника, которые приходились именно на эту дату. Отец Соломона Додашвили был небогатым деревенским священником, происходил из казенных крестьян, но при этом был очень образованным человеком. В юности он, как одаренный юноша из простой семьи, обучался в монастыре Давид Гареджи – известном грузинском духовно-просветительском центре. Там он изучал риторику и богословие под руководством самого католикаса Антона I. Своего сына Соломона он также направил по своей стезе – определил мальчика в Тифлисское духовное училище. Соломон окончил его с блеском и получил рекомендательное письмо, с которым

отправился в Петербург продолжать образование. В имперской столице ему оказал покровительство выдающийся грузинский религиозный мыслитель и общественный деятель иеромонах Иона, в миру Иване Хелашвили. Этот неординарный человек тоже происходил из семьи бедных крестьян, которая стала жертвой жестокого набега дагестанских горцев. Оставшегося сиротой мальчика приняла на воспитание семья самого царя Ираклия II. Хелашвили стал монахом и духовником нескольких членов грузинской царской фамилии. Он переселился вместе со свитой царевича Парнаоза в Россию. Иеромонах Иона, пользуясь авторитетом в высоких кругах российских столичных чиновников, добился зачисления талантливого грузинского юноши Соломона Додашвили в Санкт-Петербургский университет. Додашвили окончил его со степенью магистра философии в 1828 году. Еще будучи студентом он сблизился с декабристами, в частности с Кондратием Рылеевым, проникся их идеями и даже стал свидетелем их восстания. Грузинские молодые люди, жившие в России, также собирались в революционные кружки, включая царевичей Парнаваза, Димитрия и Окропира. Молодой Соломон был одним из самых горячих их участников. Декабрист Пестель, который считал, что нужно «вернуть Польшу и Грузию их прежним владельцам», говорил, что грузинам легче, чем русским – они говорят по-грузински, и шпионы не смогут подслушать. В 1828 году Додашвили вернулся в Тифлис, где занялся преподавательской деятельностью, но также и революционной агитацией. Еще он редактировал газету «Тпилисис уцкебани» («Тифлиские ведомости») с «Литературным приложением». Соломон много занимался историей, грамматикой, а также составил краткое изложение философии для своих юных учеников. Идеалистические воззрения Додашвили оказали влияние на многих грузинских интеллектуалов и молодых поэтов, включая Николоза Бараташвили.

Его деятельность была прервана в связи с провалом в 1832 году Заговора грузинского дворянства против русской гегемонии, в котором Додашвили активно участвовал. В отличие от большинства его соучастников, которые поддерживали восстановление грузинской монархии, он предлагал в качестве формы правления республику. Арестованный полицией Соломон Додашвили был депортирован с семьей в Россию, сослан в Вятку, где и умер от туберкулеза. Ему был всего 31 год. Спустя многие годы его прах был перезахоронен в Пантеоне Мтацминда в 1994 году.

УВОЛЕН «ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ»

Римские императоры Диоклетиан и Максимиан 1 мая 305 года одновременно отказались от власти. Один в Никомедии, неподалеку от современного Стамбула, а другой в Медиолане, современном Милане. Когда еще владыки так безропотно уходили в отставку? Да устали они оба! Диоклетиан был очень талантливым человеком. Он прекратил безобразие неспокойного третьего века римской истории, навел порядок в империи, окончательно задвинул Сенат в тень и назвал себя – императора не первым из сенаторов, а самым настоящим монархом. Притом, что сам был внуком раба. Недовольные испуганно затихли, ибо Диоклетиан был мужичиной серьезным с непростым характером. В соправители он выбрал своего товарища Максимиана – верного друга и бесстрашного воина, но абсолютно неотесанного. Они долго, шумно и иногда жестоко царствовали каждый в своей половине Римской империи. Но наступил момент, когда два старых льва устали от битв и начинающейся конкуренции с молодыми наследниками. Диоклетиан удалился в современную Хорватию и поселился у себя на даче, занимаясь садом и своим огородом. Когда же к нему обратились с просьбой вернуться к власти, ответил: «Если б вы знали какую капусту я вырастил, то не приставали со всякими глупостями».

ПОСТРАДАЛ ЗА УЧЕНЬЕ ДАРВИНА

Полицией американского городка Дейтон в штате Теннесси 5 мая 1925 года был арестован школьный учитель Джон Скоупс. Он вопреки консервативно-реакционным законам штата осмелился преподавать запрещенную здесь эволюционную теорию Чарльза Дарвина. Судебный процесс наделал много шума, был назван в прессе «Обезьяньим» и привлек внимание буквально всего мира. Америка раскололась на

фундаменталистов, настаивающих на буквальном прочтении Библии, на модернистов, считающих, что наука совместима с религией, и нормальных современных людей, которые считали этот процесс возвратом к Средневековью. Хотя лично Скоупсу

угрожал максимум штраф от 100 до 500 тогдашних долларов, что было немало, но не особенно страшно. Учителя признали виновным, невзирая на блестящую защиту, но более высокий суд отменил штраф в сотню долларов, потому что вынесший приговор судья имел право присуждать штраф не более 50 \$.

СВАДЬБА ДВУХ ПОЭТОВ

В Николаевской церкви села Никольская Слободка 8 мая 1910 года Николай Степанович Гумилев обвенчался с потомственной дворянкой Анной Андреевной Горенко, более известной под псевдонимом Ахматова. Все почитатели творчества этих блестящих молодых людей были довольны, но... отнеслись к новости недоверчиво. Ибо, как известно, «два медведя в одной берлоге, как и два поэта в одной семье – это много». Скептики оказались правы. Брак не удался и долго не продлился, хотя на сыне этих двух гениев Серебряного века природа решила не отдыхать. Он стал выдающимся ученым-историком, это Лев Николаевич Гумилев – автор интересной теории пассионарности.

ШАМПАНСКОЕ ОТ КАРИЕСА

В английском городе Манчестере 13 мая 1919 года собрались на конференцию британские врачи-дантисты. Они разнообразно проводили время – естественно, дисциплинированно заслушивали доклады коллег, но больше радовались встречам со старыми друзьями по учебе в различных университетах, проводя немало времени в кабачках и ресторанах. Это ученое действо напоминало, скорее, веселые посиделки давно не видевшихся одноклассников. Что же научного могли вынести из такой расслабляющей обстановки эскулапы-стоматологи? На конференции было на полном серьезе и совершенно справедливо заявлено, что самой главной причиной болезни зубов является сахар – очень любопытное получилось открытие, а главное неожиданное и оригинальное! Мало этого, для избежания пагубных последствий они рекомендовали после сладостей пить сухое шампанское. И, наверное, немедленно отправились на банкет есть вкусный торт, запивая назначенным шипучим лекарством. Хорошо люди провели время!

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ПРОТИВ ТРАДИЦИЙ

Чем только люди во все века не измеряли расстояние и вес – использовали и пальцы с локтями, и длину ступней, размер шагов и размах рук. Были разные названия для единиц измерения – стадии, фарсанги, мили, сажени, ярды, футы, пяди и вершки. А также фунты и пуды, стоуны и унции, мешки и бочки. Путаница была несусветная. Но вот настал день 20 мая 1875 года, когда в Париже представители семнадцати государств подписали так называемую «Метрическую конвенцию для обеспечения международного единства измерений и усовершенствования метрической системы мер». И ввели единые

эталонные единицы для всех желающих. Так повсеместно появились метры, сантиметры и километры, тонны, килограммы и миллиграммы, а еще литры. Правда, остались на земле упрямы – англичане и американцы до сих пор живут с древними милями, футами, пинтами и баррелями. И считают свою несовременность и косность традицией.

ЧТО ТАКОЕ НАСТОЯЩИЕ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

Когда 67 лет назад новозеландец Эдмунд Хиллари и шерп Тенсинг Норгей ступили на вершину Эвереста, нашлись суровые религиозные люди, которые среди восторженных гимнов их подвигу, подняли ропот об осквернении святыни – горы Великой Матери Земли, так переводится название Джомолунгмы. Но свершение горовосходителей было настолько впечатляющим, что и британский альпинистский клуб, и вся мировая пресса просто замяли эту тему. Когда же английские альпинисты Джордж Бэнд и Джо Браун двумя годами позже, 25 мая 1955 года, совершили первое успешное восхождение с юго-запада на величественную гималайскую Канченджангу – третью вершину мира, они вспомнили об оскорблении религиозных чувств верующих. И благородно не стали наступать на самую макушку великой вершины, которую индусты также почитали святыней. Бэнд и Браун остановились всего в полутора метрах от высочайшей точки и в прекрасном настроении подняли за свой успех кружки с чаем из термоса, как и полагается настоящим британским джентльменам.

Флаг Победы над Рейхстагом

ГРУЗИЯ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

К 75-летию Победы над фашистской Германией

— **Леван ДОЛИДЗЕ**

9 мая 1945 год! Апофеоз Великой Отечественной войны – День Победы! 1418 дней и ночей шла самая кровавая, самая разрушительная война в истории человечества против фашистской Германии. Миллионы людей нашей планеты ждали этого дня. И вот настал долгожданный день разгрома фашистской Германии. Символично, что на куполе Рейхстага поверженного Берлина 30 апреля 1945 года взвилось победоносное Красное знамя, которое водрузили отважные разведчики 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии Первого Белорусского фронта сержанты – русский Михаил Егоров и грузин Мелитон Кантария. Эти два воина, ставшие Героями Совет-

ского Союза, стали символом потрясающей закономерности Великой Отечественной войны. Русский богатырь Егоров был представителем великого русского народа, вынесшего на своих могучих плечах всю тяжесть войны, народа, который понес громадные людские потери, а грузин Кантария – представитель народа, больше всех в мире пославшего на фронт своих граждан в процентном соотношении к своему населению!

Поясним более подробно этот действительно неоспоримый факт... По итогам Всесоюзной переписи населения в 1939 году население Грузии составляло 3 540 760 человек. И если брать количество призывников пропорционально ее населению, Грузия отправила на фронт

Константин Леселидзе

в годы войны самый высокий процент воинов – около 700 тысяч человек, т.е. почти 20% от общего числа ее жителей, а это каждый пятый наш соотечественник. Не вернулись из этой войны почти 300 тысяч человек, т.е. каждый двенадцатый житель Грузии! На фронт из Грузии отправились 26 000 девушек и женщин. 277684 участников войны были награждены орденами и медалями СССР.

Приведу еще факты, о которых население Грузии, а тем более других союзных республик того времени и стран, менее информировано. Факты эти официальные, уточненные Российской Академией военных наук и ее тогдашним президентом генералом армии М. А. Горевым. Не было в СССР фронта, армии, в которых, исходя из численности личного состава, представители нашей республики не занимали бы 3-4 места! В действующей Красной армии среди погибших воины из Грузии находились на 3-м (!) месте после русских и украинцев, далее – белорусы (253000 воинов), татары (188000), евреи (142000) и т.д. И еще. Не было в годы Второй мировой войны воинского звания – орденов и боевых медалей, которыми не были бы награждены представители одной из самых малочисленных по населению и небольших по территории республик бывшего Советского Союза. От боевой медали «За отвагу» до величественного Ордена «Победа».

Представители Грузинской ССР героически сражались от Бреста до Курильских островов, от Сталинграда до Берлина – логова фашистского рейха. Среди них мы встретим отважных воинов от рядового и матроса до командующего армиями и флотом, солдат и офицеров всех родов войск Красной армии, Военно-морских сил, Военно-воздушных сил, пограничников и воинских подразделений НКВД. 169 представителей Грузии стали Героями Советского Союза, а двадцати двум нашим фронтовикам были вручены все три степени солдатского ордена Славы. В годы войны на полях сражений участвовали 84 генерала и адмирала из Грузии, в числе которых – 55 грузин, 13

армян, 7 русских, 5 евреев, 3 осетина и 1 азербайджанец.

В годы войны на различных фронтах было 23000 грузинских офицеров. Трое наших земляков командовали армиями. Один из них Леселидзе Константин Николаевич (15.10.1903-21.02.1944) прославился в 1941 году при обороне города Тулы, командуя артиллерией 50-й армии. Кстати, когда А.М. Василевский докладывал об этих боях И.В. Сталину, то подчеркнул, что Леселидзе командует артиллерией, как дирижер оркестром.

Когда на Кавказе сложилась угрожающая обстановка, а фашисты намеревались захватить Грузию и Закавказье в целом, по секретному плану «Эдельвейс» двинув на Кавказ группу армии «А», куда входили отборные части вермахта в составе 167000 человек и 1200 танков, 1130 самолетов и масса другого вооружения, Л.П. Берия направил Леселидзе и других грузинских генералов именно сюда. Здесь, на Кавказе, в полной мере проявился полководческий дар грузинского генерала, который вступил в должность командующего 18-й армией. В этой армии служило немало грузин, и она прославилась в битве за Кавказ преодолением сильно укрепленной так называемой «голубой линии» при освобождении Новороссийска, а затем – в боях на просторах левобережной Украины. Кстати, в подчинении командарма тогда был начальник политотдела армии полковник Л.И. Брежнев, который на всю жизнь сохранил искреннюю любовь и уважение к грузинскому народу, к личности Константина Леселидзе, наградив его посмертно в 1971 году званием Героя Советского Союза. Стоит отметить, что Леселидзе вместе с командармом П.Н. Пуховым был обладателем полководческих орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого I степени. Ранение и преждевременная кончина прославленного командарма прервали его блестящую военную карьеру. Кстати, из 11 командующих 18-й армии в годы войны К.Н. Леселидзе был единственным в звании генерал-полковника!

Порфирий Чанчибадзе

Из небольшого гурийского села, где родился и вырос выдающийся грузинский командарм, вышел еще один военачальник – генерал Порфирий Георгиевич Чанчибадзе, слава о котором гремела на всех фронтах, где ему доводилось воевать. В начале войны он командовал 107-й стрелковой дивизией, которой за героизм и отвагу было присвоено почетное звание «Гвардейской»: она стала именоваться Второй гвардейской мотострелковой дивизией. Способный комдив в 1942 году стал известен в СССР и благодаря блестящему рассказу о нем писателя и литературоведа Ираклия Луарсабовича Андроникова (Андроникашвили); будучи военным корреспондентом он побывал в знаменитой гвардейской дивизии П.Г. Чанчибадзе на Калининском фронте. По Всесоюзному радио прозвучал его устный рассказ: «Беседа генерала Чанчибадзе с призывниками», получивший широкую известность.

После командования 13-м гвардейским корпусом и присвоением ему звания генерал-лейтенанта, Чанчибадзе был назначен командующим Второй гвардейской армией. Это произошло в июле 1944 года. Затем – героический штурм города-крепости Кенигсберга. Вскоре

Битва за Кавказ

П.Г. Чанчибадзе было присвоено звание Героя Советского Союза. Он сравнительно рано ушел из жизни. Новодевичье кладбище стало последним пристанищем грузинского героя, командарма, генерал-полковника.

Трагически сложилась судьба третьего (фактически первого в Грузии) командарма – Владимира Николаевича Львова, который родился и вырос в Тифлисе. Кадровый красный командир первым в Грузии стал генерал-лейтенантом. В начале тревожного июня 1941 года тбилисский генерал был назначен заместителем командующего войсками Закавказского военного округа, а уже в ходе войны в декабре 1941 года В.Н. Львов возглавил отдельную 51-ю армию, которой до него командовали знаменитые военачальники генералы Ф.И. Кузнецов, а затем П.И. Батов. Это было тяжелейшее время. Если только одним словом можно охарактеризовать события, развернувшиеся в Крыму в начальный период войны, это слово было бы – «ад!».

Вот в таком аду довелось сражаться тбилисскому командарму. Генерал-лейтенант В.Н. Львов героически погиб в бою под Керчью. Это случилось 9 мая 1942 года. На старом Верийском кладбище в Тбилиси и сегодня можно посетить скромную могилу военной поры, где покоится прах мужественного

сына Грузии.

А спустя почти 6 месяцев – в период жарких боев за Кавказ в начале ноября 1942 года на Военно-грузинской дороге трагически погибли первый заместитель председателя Совнаркома ГССР, член Военного совета Закавказского фронта Алексей Николаевич Саджая и народный комиссар НКВД- НКГБ Северо-Осетинской АССР Андро Семенович Зоделава, которые инспектировали надежность обороны на подступах к Грузии, в окрестностях города Орджоникидзе. Оба – комиссары Госбезопасности третьего ранга (соответствовало воинскому званию генерал-лейтенанта). Оба представительные, на редкость красивые и мужественные сыны Грузии были похоронены неподалеку от могилы В.Н. Львова...

Даже сегодня, спустя 75 лет Победы советского народа над фашистской Германией, трудно представить, что тогда происходило в Грузии. Все население страны было объединено, сплочено в общем порыве в один мощный кулак для борьбы с фашистскими оккупантами. С утра до утра у военкоматов в Грузии, возле штаба ЗАКВО в Тбилиси толпились сотни, тысячи юных, молодых ребят, горящих желанием отправиться на фронт. Семьи, школы не могли удержать подростков, рвущихся в бой. Их ловили на полпути, ссаживали с вагонов поездов. А война уже

стучалась в двери Грузии...

В начальный период войны на территории республики были созданы восемь стрелковых дивизий: 224-я, 242-я горнострелковая, 276-я, 296-я, 349-я, 392-я, 406-я и 414-я, а это – свыше 10000 воинов! В Грузии были созданы несколько соединений, в которых грузин было от 30 до 60%. Очень скоро им довелось попасть в самое пекло тяжелейших боев в Крыму и в предгорьях Кавказа, где порой сражения велись порой на высоте свыше 4000 (!) метров против специально подготовленных немецких альпийских подразделений. До сих пор в наши дни альпинистам встречаются обледенелые останки советских воинов, павших в тех сражениях...

Помню в мельчайших подробностях волнующую встречу в день тридцатилетия Великой Победы с известным советским полководцем П.И. Батовым (1897-1985) – генералом армии, дважды Героем Советского Союза. Наша встреча состоялась у него на квартире в Москве. Мы тогда о многом поговорили. С большой теплотой он вспоминал Грузию, Тбилиси, где после Испании служил до войны начальником Тбилисского гарнизона в должности первого заместителя командующего ЗАКВО. Павел Иванович особо подчеркнул умелые командирские навыки, смекалку и безудержную смелость богатырского сложения генерал-лейтенанта Героя Советского Союза Владимира Николаевича Джанджава, командовавшего в его 65-й гвардейской армии 354-й стрелковой дивизией, а затем 105-м стрелковым корпусом. Вместе они прошагали не одну военную версту, вместе отпраздновали Великую победу над врагом.

«Грузины были везде и для всех отважными воинами», – прославленный командарм П.И. Батов вспоминал о тяжелейших боях в Крыму, где он до тбилисца генерал-лейтенанта В.Н. Львова командовал 51-й армией. «В те тяжелые ноябрьские дни 1941 года в Крым из Грузии прибыли 5-6 дивизий. Их костяки составляли кадровые командиры. Особенно следует отметить 302-ю стрелковую ди-

визию, в которой было много грузин. С середины ноября 1941 года наши войска, – рассказы-вал Батов, – эвакуировались из Керчи на Тамань. Перепра-ва была связана с огромными трудностями. Наш отход при-крывали части 302-й дивизии. Они приняли на себя самый тяжелый бой на Керченском полуострове! Много грузинских воинов погибли тогда смертью храбрых, грудью прикрывая от-ход своих однополчан...».

Грузинские воины участво-вали в Керченско-Феодосий-ской операции Закавказского фронта с 25-декабря 1941 года по 2 января 1942 года. В слож-ных погодных условиях были высажены 6 дивизий, две бри-гады и два горнострелковых полка. В высадке десанта и его обеспечении участвовали свы-ше 250 кораблей и судов, около 660 самолетов. К исходу 2 янва-ря советские войска очистили от противника весь полуостров. Операция сопровождалась огромными жертвами воинов, многие из которых были из Гру-зии. Она была осуществлена с целью ослабления натиска врага на героически обороняв-шийся город Севастополь. Были успехи, но были и большие по-тери! Сам город Керчь дважды освобождался советскими во-йсками, как в то сложнейшее

Владимир Джанджгава

время спустя несколько меся-цев город Харьков – бывшая столица Украины. В первый раз в ходе вышеупомянутой десант-ной операции 30 декабря 1941 года. А во второй – 11 апреля 1944 года в ходе Крымской на-ступательной операции, в ко-торой особо отличились Крас-нознаменная Анапская 414-я грузинская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Георгия Габриеловича Курашвили. При освобождении Севастополя также отличились грузинские воины и моряки: большинство штурмовавших сильно укрепленную Сапун-гору составляли грузинские воины.

В Севастополе, в музее Чер-номорского флота, автор этих строк в свое время обнаружил потрясающий документ, сви-детельствующий о героизме и смекалке начальника разведки и контрразведки Черноморско-го флота генерал-майора Дми-трия Багратовича Намгаладзе, о котором мы до сих пор знаем очень мало. В свое время он смог похитить из сейфа коман-дующего фашистской армии в Крыму так называемую «зеле-ную папку» Геринга, которая в качестве обвинения против главарей Третьего рейха фи-гурировала на Нюрнбергском процессе! Известно, что гене-рал Намгаладзе заслужил бла-годарность участников Большой тройки на Крымской междуна-родной конференции в Ялте – Сталина, Рузвельта и Черчилля. Отважный генерал рано ушел их жизни, ему не было 52 лет. Дмитрий Намгаладзе скончался 3 июля 1957 года и с большими почестями был похоронен в Се-вастополе...

До сих пор щемит сердце – (а мне, сыну погибшего в 1942 году в жарких боях под Харь-ковом лейтенанта артиллериста Георгия Сергеевича уже за 80 лет), когда я вспоминаю свою поездку в Крым в составе офи-циальной грузинской делегации летом 1992 года. Много причин для душевного волнения и боли доставила эта крымская поезд-ка. Одна из них гибель моего ровесника и соседа Шота Геор-гиевича в Тбилиси – сына героя крымских батальон генерала Курашвили. Во время братоу-

Дмитрий Намгаладзе

бийственной войны в Тбилиси зимой того же года шальная пуля попала в окно его дома и унесла жизнь замечательного человека.

В то сложное время я рабо-тал начальником пресс-службы Министерства обороны Грузии. Наша делегация в составе ви-це-премьера муниципалитета Тбилиси Серго Гоциридзе, вете-ранов войны, медсестер и воен-врача 224-й грузинской стрел-ковой дивизии Венеры Габуня и Тамары Библашвили, героев Аджимушкайского подземно-го гарнизона Ираклия Руадзе, Корнели Иватадзе, Мелитона Барабадзе, священнослужите-ля Сионского кафедрального собора отца Иоанна и др. была приглашена в Крым на откры-тие в селе Глазовка близ Керчи мемориала воинам-грузинам. Дата была выбрана неслучайно – 13 июня, день всенародного поминовения убиенных...

И вот мы на дороге в Гла-зовку. Уже за полкилометра до села дорога оказалась запру-жена машинами и многотысяч-ной толпой местных жителей, приезжих из Москвы, Киева, Севастополя, других городов. Бывалые десантники, моряки, пленники Аджимушкайских ка-

Памятник воинам у каменоломен Аджимушкая

меноломен, сыновья и дочери, матери погибших стояли молча, слезы застилали их глаза... Церемония прошла в поразительно душевной атмосфере, говорили негромко, сердцем и глазами понимали друг друга.

Оригинальный памятник, за ним – кладбище. Издали читаем надпись: «Прохожий, помни! Здесь покоятся погибшие за нашу и вашу свободу грузинские воины». К памятнику мы поднесли флаг Грузии и горсть земли грузинской. Отец Иоанн вместе с керченским батюшкой отцом Леонидом освятили его, отслужили панихиду по павшим. Над урной прикрепили мраморную плиту с надписью: «Земля Грузии да согреет вас!» Троекратный залп автоматных очередей, в траурном торжестве застыли молодые воины всех родов войск, отдавая дань всем погибшим на крымской земле сыновьям и дочерям Грузии. А это – 90 000 наших соотечественников! Каждый третий наш земляк, ушедший тогда на войну!

Не могу не сказать о том, каким позорнейшим пятном останется в новейшей истории Грузии факт вандализма, имевший место в Кутаиси в 2009 году, когда тогдашние горе-правители Грузии среди бела дня взорвали в Кутаиси мемориал Победы – творение гения грузинского зод-

чества Народного художника СССР Мераба Бердзенишвили. При взрыве мемориала погибла женщина с ребенком – невинные жертвы организаторов этого страшного акта. Разрушители изрекли тогда фразу: «Это была не наша война»...

Диссонансом звучит приведенному выше факту вандализма добрые деяния простых людей, которые сами, по зову совести, своим трудом, на личные средства сохранили место захоронения наших воинов, а затем воздвигли памятник-мемориал погибшим грузинским воинам в Крыму. До войны на месте кладбища близ села Глазовка, возле Керчи, находился старенький, как и его хозяева – муж и жена Ярославские, небольшой участок. Несмотря на строгие приказы немецкого командования, они на свой страх и риск подбирали павших советских воинов и хоронили у себя в огороде. Раненым оказывали посильную помощь, делясь последними крохами из скудных запасов, собирая продукты у односельчан. Документы погибших закапывали в другом месте. Об их благородном, невероятно смелом поступке в Глазовке знали все. К счастью, никто их не выдал.

После войны, сюда, в поисках могил родных, стали съезжаться люди со всех уголков

СССР, конечно же и из Грузии. Вот тогда служащие командования Отдельной приморской армии и благоустроили здесь братскую могилу и отдельные захоронения. А затем взяли все в свои руки патриоты-грузины. Переселили Ярославских в другой дом, а когда те скончались, похоронили их на «родном» кладбище, установили мраморный памятник.

О порядке на братской могиле заботилась Елена Левина, благородную миссию которой оплачивал рыбокомбинат Аджорского управления рыболовного флота. А потом этим делом занялись представители грузинского землячества в Крыму во главе с Сергеем Сергеевичем Тавадзе, дядя которого покоился в братской могиле...

Битва за Кавказ! Сколько о ней написано, но еще немало осталось белых страниц в ее героической эпопее. Особенно критическое положение в Грузии создалось летом 1942 года, когда Красная армия, потерпев сокрушительное поражение в Крыму, под Ростовом, Харьковом, когда фактически рухнул весь Юго-Западный фронт, отступила к Северному Кавказу. На Кавказ всей своей мощью навалилась огромная 300000 фашистская армада – группа армии «А». к этому тяжелейшему, особенно для Грузии, периоду фашистам удалось выйти на просторы Северного Кавказа и занять перевалы Сенчаро, Клухори, Марухи и многие другие и даже водрузить при помощи своих профессиональных альпинистов фашистский флаг. Победа на кавказском направлении Гитлеру казалась совсем близкой, и он ожидал включения в войну согласно договоренности новых союзников – Турции и Японии, которые обещали ему свое активное содействие именно на этих рубежах. В те дни Берлинские газеты кричали: «Покоренный Эльбрус венчает конец павшего Кавказа!», в иллюстрированных журналах, кинохронике, всюду было фото капитана Грота и его горных стрелков, водрузивших фашистский флаг со свастикой на самой верхней точке Кавказского хребта. Гитлер наградил Грота за Эльбрус высшей на-

градой – Рыцарским крестом, а его солдат Железными крестами. Радио Берлина прославляло «национального героя».

Я был хорошо знаком с замечательным человеком, смелым и решительным генералом – начальником армейского СМЕРШа (название присвоено по предложению И.В. Сталина военной разведке НКВД-НКГБ, которая была в 1943 году создана и передана в подчинение НКО СССР, т.е. лично Верховному главнокомандующему) Владимиром Эвтимиевичем Зарелуа. В те тревожные дни он был в звании полковника, курировал армейскую разведку и контрразведку, именуемую в то время особым отделом – в 46-й, а затем в 18-й армии под командованием К.Н. Леселидзе.

«Когда позже мы детально ознакомились с трофейными военными картами, захваченными у пленных фашистов, не могли скрыть своего удивления и досады, – вспоминал Владимир Зарелуа, – на них в деталях были отмечены не только главные перевалы Кавказского хребта, но и все проходы, о которых нам не было известно».

Это уже позднее стало ясно, что о перевалах, многие из которых даже не были отмечены в советских военных топографических картах, Берлин информировал немецкий шпион, засланный в Советский Союз задолго до войны, в период «дружбы» СССР и Германии, под видом ученого-натуралиста, якобы изучавшего природу Кавказа.

Именно в этот критический период, 22 июля 1942 года, был издан знаменитый приказ И.В. Сталина N227, больше известный как «Ни шагу назад!», который по воспоминаниям фронтовиков сыграл исключительную роль в поднятии духа советских воинов, особенно в битве за Кавказ, в небывалом по героизму Сталинградском сражении.

Во второй половине августа 1942 года фашисты – а это отборные, специально подготовленные воинские части для боев в горных условиях, через перевал Санчаро впервые вторглись в пределы Грузии, вступили на землю Абхазии и заняли село Псху. А также близлежащие селения. Правда, фашистам уда-

Горец показывает солдатам тропы в ущелье

лось там продержаться не более 10 дней, но жертв и паники было немало. Еще 22 июля 1942 года в Сухуми было введено военное положение, а в целом по Закавказью 24 августа 1942 года, после образования Закавказского фронта под командованием генерала армии И.В. Тюленева. В середине августа фашистские самолеты стали бомбить город. В результате было разрушено около 70 зданий и жилых домов, некоторые объекты оборонного значения. Потоплено и повреждено несколько судов в порту, в том числе пароход с ранеными бойцами. О тревожных в Абхазии днях сохранились интереснейшие воспоминания сухумчанина Рафаэла Месенгисера. В 10-летнем возрасте летом 1942 года он как мог помогал защитникам Сухуми. В трудные моменты подносил бойцам снаряды, помогал в раздаче почты, пищи, доставлял воду... К счастью, Рафаэл Месенгисер сегодня жив и здоров, является в Грузии самым молодым участником войны, кавалером боевой медали «За оборону Кавказа». Долгие годы он живет в столице Грузии и как драгоценнейшую реликвию бережно хранит свою первую боевую награду...

Несколько лет тому назад из Москвы семья генерала госбе-

зопасности Варлама Какучая (1906-1982) прислала мне в подарок воспоминания легендарного чекиста Павла Судоплатова. Какучая и Судоплатов избежали расстрела в связи с делом Лаврентия Павловича Берия, но отсидели пятнадцатилетний срок заключения, как говорится, от звонка до звонка. Оба оставили свои мемуары, в которых рассказано много неизвестных фактов о битве за Кавказ.

С самого начала войны, т.е. 22 июня 1941 года по указанию И.В. Сталина в системе НКВД СССР была создана особая группа чекистов по работе в тылу у врага, целью которой ставилась задача организации разведслужбы на всей оккупированной территории СССР, создание партизанских отрядов, подрывных, диверсионных, боевых и других групп спецназначения. В сентябре 1941 года В. Какучая был отозван с Иранского фронта (да, существовал такой фронт, особо не афишируемый. В Иран в августе 1941 года была введена с многоплановой целью 45-я армия, которая была сформирована в Грузии и находилась там до 1946 года) и назначен заместителем Павла Судоплатова и одновременно начальником 4-го отдела Четвертого управления НКВД

На встрече в Тегеране. 1943

СССР по совместительству. В этом сверхсекретном управлении Какучая был единственным грузином, что подчеркивает его особый статус. Все последующие дни В. Какучая постоянно ездил на передовую линию фронта в связи с оперативной работой своего отдела, в частности – заброской в тыл врага советских разведчиков, боевых, диверсионных групп, радистов и т.д.

В одной из таких поездок, 17 августа 1942 года, В. Какучая срочно разыскали и доставили в Москву, где он был принят Л. Берия, который внимательно оглядев, аккуратна ли на нем одежда, сказал: «Едем в Кремль, к хозяину». Спустя несколько минут (это было около 12 часов ночи) их принял Сталин.

– Положение на Кавказе, – вдруг начал он, – очень серьезное, почти катастрофическое. В результате преступной халатности командного состава отдельных частей немцам удалось прорваться к перевалам Главного Кавказского хребта и занять основные из них. Гитлер растрюбил по всему миру о якобы невиданных доселе в истории войн подвигах немецкой армии, занявшей весь Кавказский хребет. От того, сохраним мы

этот бастион, сегодня зависит исход войны. Согласно секретному договору между Германией и Турцией, со вступлением немцев в Грузию, Турция миллионной армией выступает против нас, угрожая оккупацией Баку, падение которого равносильно поражению, – продолжал говорить Сталин.

– Утром в 5 часов вылетайте в Тбилиси на моем самолете и с моим личным пилотом. Руководителем вашим будет Берия. Желаю успеха, – закончил свою речь Сталин.

Вот таким образом в экстремальном темпе и секретных условиях из Москвы ранним утром 18 августа 1942 года в Тбилиси вылетели несколько спецсамолетов, на борту которых находились помимо Л. Берия с его сыном Серго, генералы Серов, Судоплатов, Бодин, назначенный начальником штаба ЗАКВО, Штеменко из Генштаба, Какучая, Леселидзе, Микеладзе и др., всего 18 человек. Чуть позже вслед за ними поднялись несколько самолетов, в которых находились генералы и офицеры, альпинисты, разведчики, снайперы и т.д.

Именно в те дни на стадионе «Динамо» в Тбилиси состоялся грандиозный митинг трудящихся Грузии, Армении и Азербайд-

жана, на котором выражалась готовность сделать все возможное и невозможное для общей победы над врагом.

Была проделана колоссальная работа, кардинально изменившая ход самой длительной в истории Второй мировой войны битвы за Кавказ, не считая наитяжелейшую и продолжительную блокаду Ленинграда: сорван гитлеровский план «Блау III» – наступление на Кавказ с выходом к Баку. Прибыв в Тбилиси около 12 часов ночи того же дня, все прилетевшие и встречавшие поехали в штаб ЗАКВО. Спустя 15 минут в штаб начали по вызову сходить командиры отдельных частей гарнизона. Мгновенно решались сложные задачи. «Около 3 часов ночи Берия начал вызывать нас, т.е. тех, кто должен был немедленно отправиться к перевалам, – пишет в своих мемуарах Какучая. – Первым был вызван заместитель Берия генерал-полковник Серов, который получил усиленный полк внутренних войск и тут же в 5 утра отправился спецшелоном через Сухуми к Клухорскому перевалу». Вслед за ним отправился Какучая с усиленным батальоном внутренних войск через Зугдиди в Бечо, где фашистами уже была захвачена группа Бечойских перевалов (Донгуз, Орунбаши, Оружейная башня, Приют-11 и др.). В Верхней Сванети, кроме батальона, в распоряжение Какучая поступила расквартированная там конная дивизия, в принципе боеспособная, но возглавляемая инертным командиром полковником Белошниченко, неспособным воздержаться от спиртных напитков, в результате чего немцам удалось захватить неприступные перевалы. Генерал Какучая, который имел на руках мандат уполномоченного Военного совета Закавказья и НКВД СССР с обширными правами, своим авторитетом сумел организовать местных жителей – сванов, сформировать подвижные группы. Об этом долгие годы не писалось в открытой печати по известным причинам. Но факт остается фактом: за короткое время ситуация кардинально изменилась в нашу пользу. Неоценимую по-

мощь оказали местные жители – сваны – народ мужественный, гордый, самоотверженный, который всегда, во все времена придерживался независимости, будь это при царизме или же при большевиках. Какучая смог найти общий язык со старейшинами Сванети и внятно разъяснить фашистскую угрозу. Сваны – жители суровых кавказских гор прекрасно знали все проходы и тропинки, все щели перевалов, только им ведомых. Примечательный факт: генерал Какучая как-то посетовал, что в горах засели два фашиста, которые наглухо закрыли проход, уничтожая всех, кто подбирался к ним. Слушавший его сван ответил: «Дайте мне патроны, и больше проблем у вас не будет». Какучая приказал принести ему ящик патронов. Сван удивился: «Для чего так много, там же всего два человека, два патрона мне достаточно, мы, сваны, не промахиваемся!..» В ходе одной из операций группа альпинистов из Москвы и Грузии взойшла на Эльбрус, сбросила ненавистные фашистские флаги и водрузила Красное знамя. Это произошло 4 ноября 1942 года.

Грандиозная битва за Кавказ по своим военным и политическим масштабам не имела себе равных в период Великой Отечественной войны. Эта битва длилась 482 дня (по длительности уступала лишь Ленинградской блокаде) и состояла из двух военных операций – оборонительной (25.07-31.12. 1942) и наступательной (01.01-09.10.1943)... Учрежденной указом Президиума ВС СССР от 1 мая 1944 года медалью «За оборону Кавказа» было награждено около 600 000 человек.

Сталинградская битва! Сколько о ней написано, снято кинофильмов, рассказано. Однако эта тема неисчерпаема. Вот только одна боевая биография прославленного командира 15-й гвардейской дивизии Н.И. Каладзе, он прошел со своими гвардейцами сквозь огонь пол Европы, получил четыре ранения, штурмовал во главе 165-й Седлецкой стрелковой дивизии прорыв в Берлин. Его ратный путь отмечен высокими наградами: два Ордена Ленина, четыре Красного Знамени, два ор-

дена Суворова, орден Красной Звезды, Отечественной войны I степени, боевые медали, иностранные награды.

Мы часто общались. Он был рецензентом моей книги «Генералами не рождаются», героем моих газетных статей. Однако, о чем бы я не спросил из той военной поры, его память сразу же возвращалась в период великой Сталинградской битвы, ибо эта битва стала главной во всей его, как и большинства других боевых сталинградцев, военной и боевой биографии. Он оставил потомкам свою книгу «Сталинград – Курск – Берлин», как кредо своей нелегкой, но счастливой жизни.

Командовал авиадивизией в ходе Сталинградской битвы другой грузинский генерал-майор Эстате Татанашвили. Это к нему сбежал из дому его сын Отари, которому тогда только исполнилось 16 лет, так и остался воевать с отцом. Его тезка 16-летний Отари Леселидзе тоже сбежал из дому и очутился в армии у своего отца накануне штурма Новороссийска в сентябре 1943 года.

Кстати, тогда начальником политотдела прославленной в боях 18-й армии был полковник Л.И. Брежнев, который знал цену настоящей фронтовой дружбы, дружил со многими грузинскими офицерами, особенно с начальником Особого отдела, а затем СМЕРШа с

полковником (через год им присвоили генеральское звание) Владимиром Зарелуа. Леонид Ильич не просто любил своего командарма Константина Николаевича Леселидзе, он его обожал, естественно, его сына Отари принял под свою опеку, встречался с ним в Грузии в период посещения нашей республики.

Патриарх грузинской журналистики, писатель Зураб Ломидзе – сын фронтовика написал замечательную книгу об участии воинов из Грузии в Сталинградской битве. Описал он и ожесточенные бои за чудом уцелевший во время бомбежек 4-этажный кирпичный жилой дом №61 по ул. Пензенской, которому суждено было войти в историю как знаменитый уже на весь мир «дом Павлова» – почти в центре Сталинграда, который защищала горстка оставшихся в живых героев 13-й гвардейской стрелковой дивизии во главе гвардии старшим сержантов Яковом Федоровичем Павловым. 24 воина шести национальностей стойко оборонялись в этом доме, отражая непрерывные атаки фашистов и удерживали здание с 27 сентября 1942 года по 12 марта 1943 года. Якову Павлову (1917-1981) 27 июня 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Среди 24 смельчаков-героев были и воины из Грузии – грузин Степанашвили, еврей Мосиаш-

Дом Павлова в Волгограде

Давид Якобашвили

вили и абхаз Цугба.

Мне несколько раз довелось писать о ветеране войны, участнике битвы за Москву и исторического парада на Красной площади 7 ноября 1941 года Давиде Константиновиче Якобашвили. Он прожил долгую трудную и вместе с тем счастливую жизнь. Ушел из жизни в возрасте 95 лет. Кстати, он был одним из первых, кто в начале 1943 года столкнулся с реальными фактами Холокоста. Тогда ни он, ни его однополчане не знали этого страшного слова. Так вот, Давид Якобашвили, который к тому времени познал и горечь поражений, и радость побед под Москвой, он и его боевые друзья в одном из боев под Майкопом захватили брошенные врагом машины... Он чуть не потерял сознание. Подобное чувство охватило всех увидевших это страшное зрелище. Эти крытые машины оказались вражескими душегубками, внутри каждой машины – трупы стариков, женщин, детей... Эта жуткая картина осталась перед его глазами на всю жизнь.

На мой вопрос, что еще осталось в памяти его сердца, Давид Якобашвили долго молчал, перебирая увиденное и пережитое за годы той кровопролитной войны. Потом, словно про себя, негромко произнес: «Ког-

да я вошел в хату одного из сел Московской области, женщина кормила маленького щупленького мальчика на вид 2-3 лет. Увидев меня с винтовкой, в шинели, небритого и исхудавшего, она взяла миску с похлебкой у сына и подала ее мне... Время-то было холодное и голодное. Стоял морозный декабрьский день 41 года. Наши войска только что освободили этот населенный пункт от фашистов. До сих пор у меня перед глазами стоит образ этой простой русской женщины».

А затем, чуть помедлив, произнес: «После тяжелого боя, летом 42-го мы брели по открытому полю в Кубани. Вдруг снова налетели фашистские стервятники и начали поливать нас огнем, мы все разом легли на землю. Вдруг вдали я заметил маленькую девочку, беспомощно метавшуюся по полю. За ней гонялся немецкий самолет, пилот которого, видимо, наслаждался этим поединком. Мы, забыв об опасности, вскочили на ноги, стреляя на ходу, побежали в сторону несчастной девочки. Садистски преследуя свою жертву и измучив ее, гитлеровец сделал свое черное дело...», – еще тише произнес Д. Якобашвили.

В анналы истории героической страницей вошел подвиг курсантов Подольского пехотного училища, а также пулеметно-артиллерийского училища, которые 16 октября 1941 года преградили фашистам почти открытый путь к Москве и в течение пяти дней отважно защищали подмосковный рубеж. Подавляющее большинство «красных юнкеров», как их прозвали фашисты, героически погибли. В свое время в Подольске удалось разыскать фамилии наших земляков. Вот они – юные герои: Джондо Джгамадзе, Михаил Гогичаишвили, Дмитрий Абашидзе, Тенгиз Заалишвили, Георгий Цхвиравашвили, Сурен Гаспарян, Шалва Чиквинидзе... «Их подвиг бессмертен» – это слова маршала Г.К. Жукова...

Советские летчики, которых в народе любовно именовали «сталинскими соколами», рискуя жизнью, не раз спасали детей. Вот одна из волнующих историй спасения детдомовской

детворы Полоцкого детдома военным летчиком Александром Мамкиным, который под огнем фашистов доставил их на Большую землю, а сам, во время девятого перелета на двухместном самолете был ранен, но сумел посадить самолет и спасти последнюю партию сирот. Истекшая кровью, Мамкин скончался на руках однополчан. Кстати, одна из спасенных мужественным военным пилотом девочка впоследствии вышла замуж за грузина и живет в окружении многочисленной семьи в г. Батуми. Это – 84-летняя Зоя-Хая Тебидзе-Мирцхулава. На сегодняшний день она единственная в Грузии живая свидетельница Холокоста...

«Сталинские соколы» – Грузия может гордиться ими! Самым известным из этой когорты фронтовых летчиков был, конечно, Владимир Варденович Нанеишвили. 15 января 1940 ему было присвоено звание Героя Советского Союза – первому из грузин. А когда в мае того же года И.В. Сталин ввел новые советские военные звания, летчик-герой стал первым грузином – генерал-майором авиации. Он также первым из грузинских военных летчиков командовал авиадивизией, и в годы войны с фашистской Германией дослужился до звания генерал-лейтенанта и заместителя командующего Второй воздушной армией. В ходе Висло-Одерской операции наш легендарный земляк по поручению Сталина координировал боевые действия двух воздушных армий! Именно ему была передана эскадрилья «Комсомолец Грузии», построенная на средства комсомольцев Грузии в начале 1942 года.

Мне посчастливилось быть знакомым с Владимиром Нанеишвили – одним из лучших пилотов СССР военной поры, когда он в 1963-1970 гг. возглавлял Грузинское управление гражданской авиации – одно из лучших в стране. Помню, когда во время проведения советских военных парадов появлялся Владимир Нанеишвили в полной генеральской экипировке, с многочисленными высокими боевыми наградами СССР и зарубежных стран, украшавши-

ми его мундир, все взоры ментально устремлялись в его сторону, что всегда смущало скромного легендарного летчика-героя.

Кстати, по стопам отца пошел его сын Гайоз, который дослужился до воинского звания генерал-майора авиации. Человек незаурядных способностей, он унаследовал от отца скромность, помноженную на трудолюбие. Гайоз Нанеишвили так окончил две военные академии, что никто не знал, что он сын знаменитого на всю страну отца. Одно время он возглавлял ДОСААФ СССР.

Батумец Гарри Мерквиладзе слыл среди военных пилотов асом воздушного боя. Первым в СССР он сбил германский реактивный истребитель на своем «Ястребке». В его послужном списке – 400 боевых вылетов, 118 воздушных боев, 97 штурмовок. После войны он стал генералом авиации, был замкомандующего Воздушной армией. В его честь был назван океанский танкер грузинского морского пароходства – «Генерал Мерквиладзе». Подобного почета в Грузии удостоились лишь легендарные командармы генерал-полковники К.Н. Леселидзе, П.Г. Чанчибадзе, а также капитан дальнего плавания Анатолий Качарава, подвиг которого на севере, где он командовал легендарным ледоколом «Александр Сибиряков», вступившем в смертельную схватку с мощнейшим фашистским крейсером «Адмирал Шеер», навсегда вошел в анналы морской героики. Увы, давно уже нет той огромной страны по имени СССР, нет и лайнеров, названных в честь героев войны, как и нет некогда передового в стране Грузинского морского пароходства, созданного высоким авторитетом знаменитого капитана дальнего плавания и ветерана войны А. А. Качарава.

40 сталинских соколов – уроженцев Грузии – стали Героями Советского Союза. А выросший в Грузии выпускник Гагринской школы и Сухумского аэроклуба Виталий Иванович Попков стал единственным в Грузии дважды Героем Советского Союза. Мы созванивались ежегодно под Новый год и 9 мая. Человек-

легенда В.И. Попков ушел из жизни в возрасте 86 лет. Почти каждый четвертый из Героев СССР в Грузии был военным летчиком. 15 фронтовых летчиков получили генеральские звания авиации.

Недавно мой коллега и друг переслал мне из Беларуси уникальный список военных летчиков из Грузии, совершивших таранный удар в воздухе по фашистским стервятникам. Его не знает история гитлеровских люфтваффе. И, как отмечают специалисты, в летописи американской и английской авиации нет этого боевого тактического приема, всегда связанного с опасностью, героизмом и подлинным мастерством. «Таранщики» были элитной группой среди военных летчиков. Когда 18-я армия вела бой за восточный берег Керченского полуострова, двое пилотов таранили фашистские самолеты. Зрелище, как рассказывал мне позже генерал-майор военной разведки и контрразведки Владимир Зарелуа, было потрясающим, мы все как замороженные следили за боем в небе. Командарм генерал-полковник К.Н. Леселидзе приказал узнать имена наших смельчаков, а затем направил в штаб авиаторам телеграмму: «Имена лейтенанта Воловодова Бориса Наумовича и младшего лейтенанта Букова Василия Леонтьевича, таранивших немецкий самолет Ю-88, мы запишем в списки героев нашей армии».

О воздушном таране мы знаем из истории отважного летчика Виктора Талалихина, осуществившего его в ночном воздушном бою, сбив на подступах к Москве вражеский бомбардировщик в ночь на 7 августа 1941 года. У меня нет возможности подробно описать боевые эпизоды всех грузинских военных летчиков, совершивших в годы Отечественной войны воздушные тараны. Все они заслуживают отдельных статей и даже книг. Преклоняясь перед их светлой памятью, позволю себе перечислить всех известных сталинских соколов, совершивших в годы Отечественной войны воздушные тараны. Привожу героев в алфавитном порядке (список пу-

бликуется впервые – Л.Д.).

Лейтенант, командир звена 43-го истребительного авиаполка, Герой Советского Союза Чичико Кайсарович Бенделиани. В июле 1941 года на Юго-западном фронте тараном уничтожил вражеский истребитель. Зам. командира 54-го гвардейского истребительного авиационного полка Ч.К. Бенделиани в 72 воздушных боях сбил лично 7 самолетов врага и 12 совместно с товарищами. Всего же он участвовал в 410 воздушных боях. В роковом последнем бою 20 июля 1944 года уничтожил два вражеских истребителя. На подбитом самолете, истекая кровью, приземлился на передней линии наших войск и скончался на руках пехотинцев, вынесших его из горящего самолета. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза, а в народе осталась о его героизме песня «Чичико Бенделиани», помню ее распевала вся Грузия.

Тараны совершили: младший лейтенант 8-го авиаполка ВВС Черноморского флота 15 сентября 1941 года Иван Соломонович Беришвили; младший лейтенант, командир звена 240-го истребительного авиаполка Иван Михайлович Габуния, 6 мая 1943 года на Курской дуге; младший лейтенант Герой Со-

Владимир Нанеишвили

Гарри Мерквиладзе

ветского Союза Давид Васильевич Джабидзе – на Ленинградском фронте (всего совершил 274 вылета, в которых лично уничтожил 22 фашистских самолета); лейтенант, командир звена 38-го истребительского авиаполка Аристотель Степанович Кавтарадзе – 13.07.41; младший лейтенант, летчик 160-го истребительского авиаполка Моисей Ефремович Табатадзе – 9.07.41. На Смоленщине в воздушном бою с 12 фашистскими стервятниками крылом своего самолета отрубил хвостовое оперение вражеской машины и вогнал ее в землю, сам погиб.

Капитан, командир эскадрильи 141-го гвардейского штурмового авиаполка тбилисец Отари Григорьевич Чечелашвили в годы войны совершил один из первых таранов на штурмовике. Летчик произвел 220 боевых вылетов, в которых лично уничтожил и повредил 34 танка, 49 вагонов с фашистами, 8 складов с боеприпасами, 4 переправы и 4 баржи. В воздушных боях сбил 5 самолетов врага. 27.06.45 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Он был награжден орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, Александра Невского и Красной Звезды.

Воздушный таран

В 1958 году 35-летний герой в звании подполковника уволился в запас. В столице Грузии он был необычайно популярен. Его любили все, от мала до велика. Красивый, статный, мужественный – он моментально привлекал к себе внимание окружающих.

В 1959 году он трагически погиб в автокатастрофе. Провожал своего героя в последний путь почти весь Тбилиси.

Васильев В.А. – лейтенант, адъютант командира эскадрильи 11 истребительного полка 25 июля 1941 года на подступах к Москве таранил немецкий бомбардировщик. Произвел посадку на самолете. Награжден орденом Ленина. Погиб в бою 24 октября 1941 г. Больше о нем мне ничего не известно, кроме того, что он родился и вырос в Кутаиси 12 февраля 1915 года. До войны на бывшем Плехановском проспекте была создана знаменитая спецшкола ВВС – мечта всех юношей Грузии. Выпускник этой авиашколы 22-летний Виктор Антонович Курилов, лейтенант, командир эскадрильи 738-го истребительного полка 9 июня 1944 года на южной окраине Днепропетровска тараном уничтожил «Юнкерс 88». После войны он окончил Военно-воздушную академию.

Подлинных рыцарей 5-го океана из Грузии, совершивших в годы войны воздушный таран, было всего 9 человек, из них – двое Герои Советского Союза! К сказанному оста-

ется добавить, что таранщиков во всем СССР было немного. Ведь воздушный таран – оружие смелых. И только летчики с высоким мужеством, обладающие «ювелирным почерком» в воздухе, исчерпав боезапас в напряженных воздушных схватках, уничтожали вражеские самолеты лобовым ударом винта или крыла своей боевой машины. Вспомним слова Горького «Безумство храбрых – вот мудрость жизни!».

Советские моряки в годы войны вписали не одну героическую страницу в летопись Великой Отечественной войны. Примечательный факт. На правительственном банкете в Кремле в честь победы над фашистской Германией И.В. Сталин посадил рядом с собой наркома Военно-морского флота СССР адмирала Н.Г. Кузнецова. Сделано это было неспроста. ВМФ – единственный из всех родов войск Вооруженных сил СССР, воины которого в суровые годы войны ни разу не отступили без приказа от Балтики до Черного моря. Советские моряки внесли весомую лепту в общую победу над врагом, по праву считались военной элитой СССР.

В те суровые годы широко были известны имена грузинских адмиралов и капитанов, мужественных моряков и морских летчиков, навсегда вписавших свои имена в героическую летопись Второй мировой войны от европейских морей и

рек до тихоокеанских просторов Советского Союза на Востоке, прославив ВМФ СССР.

Одним из самых знаменитых военных моряков Грузии был потомственный тифлисец, единственный в СССР вице-адмирал, первый заместитель командующего Балтийским флотом Абашвили Георгий Семенович. Грузинские юноши той далекой довоенной поры мечтали либо о небе, либо о море. После окончания Тифлисской гимназии (он тогда жил позади театра им. Руставели на бывшей Водовозной улице) Гоги Абашвили по совету своего старшего друга Михаила Джинчарадзе уехал в Ленинград, где поступил в Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе. Это было время, когда из стен старейшего военно-морского учебного заведения вышли первые в Грузии морские командиры, будущие контр-адмиралы: Капанадзе Сеид Авакумович (1900-1956), Лежава Владимир Несторович (1901-1968); Рамишвили Симон Спиридонович (1903-1973). Кстати, ему первому из грузинских морских офицеров в мае 1941 года присвоили звание контр-адмирала; Сухиашвили Константин Давидович (1902-1955) и Джинчарадзе Михаил Захарьевич (1904-1981). Знаменитая тогда в СССР грузинская адмиральская морская пятёрка.

Прослужив в ВМФ 44 года, вице-адмирал Г.С. Абашвили вышел в отставку. Однако без работы он не мог, и вскоре приступил к работе в НИИ ВМФ СССР. Мы постоянно переписывались, созванивались. В последний раз я видел его в конце октября 1981 г., когда почтенный адмирал приехал в Тбилиси на похороны своего старого и доброго тбилисского друга контр-адмирала М.З. Джинчарадзе. На могиле боевого адмирала был установлен якорь с цепью. Он специально был снят с одного из боевых кораблей Черноморского флота заместителем командующего, и был привезен из Севастополя военными моряками-черноморцами в Тбилиси как дань уважения к светлой памяти одного из славных представителей ВМФ СССР.

Было время, когда имя гру-

зинского подводника Ярослава Иоселиани из горной Сванети гремело от Черного до Северного морей, где ему довелось громить фашистов. Мне по-настоящему повезло поработать с живой легендой среди моряков несколько лет, от него я узнавал постоянно массу потрясающих сведений о героике советских моряков в годы войны, не раз писал статьи о нем. Ярослав Иоселиани был единственным из грузинских подводников, который удостоен звания Герой Советского Союза. Небольшая подлодка, прозванная за свой размер «Малюткой», наводила на фашистских моряков ужас. За бесстрашным командиром Я. Иоселиани охотились лучшие асы гитлеровского флота. Его «Малютку» фашисты дважды объявляли утопленной, но экипаж Я. Иоселиани продолжал вести счет новым потопленным судам врага. Сын Сванети Ярослав Иоселиани был объявлен личным врагом Третьего рейха! Так воевала «Малютка» до марта 1944 года, когда весь экипаж во главе с боевым капитаном был командирован в Англию для приема новых подлодок. К его многочисленным наградам добавился орден Нахимова II степени. Таких в Грузии было всего 8 морских витезей! А вскоре переведенному на Северный флот Ярославу Иоселиани торжественно вручили новую подлодку, приобретенную на средства, собранные жителями Сванети. Даже с подобной просьбой обратились к И.В. Сталину! Новую подлодку назвали «Советская Сванетия», которая продолжила счет потопленных кораблей противника. К концу войны на счету боевого командира Ярослава Иоселиани насчитывались потопленные 18 кораблей противника и 40000 уничтоженных при этом фашистов, не считая тонны топлива боевой техники!

Героями иностранных государств в годы войны стали несколько грузинских воинов. Александр Манагадзе стал Национальным героем Югославии. Помню его восторженные рассказы о пребывании в этой прекрасной стране, встрече с Иосифом Броз Тито – лидером Югославии. Во Второй мировой

войне звание «Национального героя Италии» было присуждено только двум иностранцам – русскому Федору Полетаеву и грузину Форе Мосулишвили. Почти полвека тому назад в марте 1971 года посол Италии в СССР вручил в Москве братьям Форе Мосулишвили золотую медаль «За воинскую доблесть», сказав при этом, что Италия будет вечно помнить героический подвиг отважного грузинского воина.

Прославились грузины в многочисленных партизанских отрядах, действующих в годы войны в Белоруссии и Украине, в Крыму и на Северном Кавказе. Действуя в рядах легендарной Украинской партизанской дивизии С. Ковпака, партизаны-грузины показывали образцы самоотверженной борьбы. Командиру первого полка этой дивизии Давиду Бакрадзе в 1944 году было присвоено звание Героя Советского Союза в знак особых заслуг в партизанском движении в Украине. Сотни грузин партизан участвовали в боях не только в Украине, Белорусии, Крыму, на Северном Кавказе, но и в странах Европы – Италии и Франции, Греции и Словакии, Югославии, Бельгии, Польше и др. Широко известно знаменитое восстание муже-

Ярослав Иоселиани

Форе Мосулишвили

ственного грузинского батальона, находившегося в немецком плену на голландском острове Тексель, где 67 лет назад был открыт памятник в честь павших в схватке с фашистами грузинских героев. Много воды утекло с тех пор, но братская могила наших соотечественников и по сей день утопает в красочных тюльпанах. Батальон под командованием грузинского офицера – выпускника ленинградской интендантской академии Ш. Н. Жижилашвили без сна и отдыха под проливным дождем, под постоянными налетами фашистской авиации беспрекословно выполнял все указания своего любимого командира. Шалва Жижилашвили старался для каждого воина найти нужное слово, он отлично знал, как люди устали, но дорога была каждая минута. Составы ждали путей, и потому яростно и упорно рубили, сверлили, зашивали рельсы путейцы, восстанавливали искусственные сооружения мостовики. И бойцы батальона, всегда выдававшие 2-3 нормы, теперь сутками оставались на месте, а с ними

– командир. Задание выполняли вместо 14 суток за пять дней! Новый приказ комбрига. Еще один отрезок пути встает из руин, еще один мост поднимается из руин. Осунувшиеся, небритые стояли бойцы во тьме ночной перед своим любимым комбатом и слушали третий за эти 10 дней чрезвычайный приказ: «К завтрашнему дню восстановить 28-метровый мост». В этой местности железная дорога была единственной артерией, питавшей наступающие войска Брянского фронта всем необходимым для жизни и боя... Это лишь один штрих из военной биографии Героя Социалистического Труда (1943) генерал-лейтенанта технических войск Ш.Н. Жижилашвили, впоследствии начальника Штаба железнодорожных войск СССР. Именитый герой и генерал из грузинского села Кавтисхеви скончался в Москве в возрасте 78 лет, где и был с почестями похоронен на Преображенском кладбище.

Знаменитый наш земляк Георгий Михайлович Бериев (Бериашвили) родился в Тбилиси в 1903 году. Его имя золотыми буквами вписано в историю СССР. Он является пионером надводной авиации Советского Союза, прославивший СССР созданием гидросамолетов, реактивных летающих лодок, самолетов-амфибий и многих других модификаций. Впечатляют сконструированные им не имевшие аналогов в мире модификации надводной авиации, но и послужной список нашего именитого земляка. Г.М. Бериев (Бериашвили) – авиаконструктор с мировым именем является доктором технических наук, лауреатом Сталинской и Государственной премий, генерал-майором инженерно-технической службы, кавалером многих орденов и медалей, грамот и дипломов. Начиная с 1934 года он 34 года руководил опытно-конструкторским бюро, внес весомый вклад в победу над фашистской Германией. Маститый авиаконструктор скончался в 1979 году, похоронен в Москве. И сегодня успешно осваивает новую авиационную технику знаменитый Таганрогский (РФ) авиазавод, который носит имя прославленного советского

авиаконструктора из Тбилиси.

Нельзя отдельной строкой не выделить наших соотечественников-медиков, чьи мужество, личные незаурядные качества и высочайший профессионализм принесли им заслуженный авторитет и признание на фронте и в тылу. Первый из них главный хирург Военно-морского флота СССР академик АМН и генерал-лейтенант медслужбы Юстин Ивлианович Джанелидзе. Кстати, именно грузинский хирург впервые в России сделал сложнейшую по тем временам (1913 год) операцию на сердце. За выдающийся вклад в дело победы над врагом Ю.И. Джанелидзе был удостоен Сталинской премии I степени. Его имя и дела и сегодня священны в Санкт-Петербурге, где он жил и работал. В память о нем остались улица и НИИ кардиологии, носящих имя великого советского хирурга из Грузии.

Другой наш маститый земляк академик АМН, генерал-лейтенант медслужбы С.С. Гирголава – в годы войны служил в качестве заместителя главного хирурга в Красной армии. В 1943 году он был награжден Сталинской премией I степени. Симон Симонович Гирголава первым (!) в СССР передал денежное вознаграждение своей премии осиротевшим детям Ленинграда. Так поступил и Ю.И. Джанелидзе.

Генерал-майоры медицинской службы Александр Филиппович Рамишвили (1921-1996) и Самсон Самсонович Чиковани (1915-1975) достойно прошли тернистые дороги войны. Оба – выпускники Тбилисского медицинского института, который окончили с отличием. В составе 3-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта потомственный врач Александр Рамишвили встретил долгожданный день Победы в освобожденной советскими войсками столице Чехословакии – Праге. Затем служба в Венгрии, Германии. Вернувшись в СССР, служил в различных военных округах страны, окончил Ленинградскую военно-медицинскую академию, стал заслуженным врачом Украинской ССР. После развала СССР генерал Рамишвили в 1992 году был

На Ялтинской встрече. 1945

назначен начальником Главного военно-медицинского управления МО РГ, который возглавлял до своей кончины.

Окончание мединститута совпало для Самсона Чиковани с началом войны. Молодой медик добровольцем ушел на фронт. Его фронтовые огненные версты пролегли через Крым, где он участвовал в Керченско-Федосийской десантной операции, в битве за Кавказ, в боях за освобождение Украины. Форсирование Днепра врезалось в память армейскому хирургу на всю жизнь. В эти дни Самсон писал своему старшему брату, известному грузинскому писателю Григолу Чиковани: «Невозможно словами описать, дорогой Григол, какой приподнятый дух царит среди наших воинов. Даже раненые, еще не оправившись после операции, рвутся в бой. А фронтовые медики – все они заслуживают особой благодарности. Сколько неимоверных невзгод и тягот

выпало на их долю. Днем и ночью непрерывным потоком поступают раненые, которых выносят под сплошным обстрелом артиллерии. Наш персонал забыл, что такое отдых. На нарах, на полках, на полу – всюду бойцы. Стоны, порой и ругань, слезы, устремленные в пространство молчаливые глаза, полные скорби. Многие из моих коллег погибли. Я сам чудом остался в живых... Чувствую всем сердцем скорую победу...» (из семейного архива С.С. Чиковани – Л.Д.).

5 мая 1945 года войска Второго Украинского фронта завершили Братиславскую наступательную операцию. Здесь и встретил грузинский хирург День Победы. Проработав в разных военных округах, С.С. Чиковани в 1959 году был назначен начальником военного санатория МО СССР в Сухуми, который стал при нем лучшим санаторием в СССР. Возглавлял его заслуженный врач ГССР

С.С. Чиковани вплоть до своей смерти.

С июля 1941 года Грузия становится одной из главных баз, принявшей из прифронтовых районов десятки тысяч эвакуированных граждан страны. В Грузию непрерывным потоком стали поступать раненые воины. Поэтому уже тогда в оперативном порядке в системе ВНОРКОМЗДРАВА ГССР было создано Управление эвакогоспиталей, которых ежемесячно становилось все больше и крупнее. Очень много раненых хлынули после крымских боев, а с лета 1942 года постоянно поступали раненые воины и гражданское население. Только в Тбилиси были оперативно созданы 29 эвакогоспиталей. На тот момент после РСФСР это было самое большое их число среди союзных республик! 70% раненых воинов возвращались в строй благодаря квалификации и заботе медиков Грузии, это один из самых высоких показателей в СССР.

Сотни медиков в Грузии кру-

Ветераны в парке Ваке. 2019

глыми сутками не отходили от операционных столов и больничных коек, а в редкие минуты затишья шли сдавать донорскую кровь. По данным Грузинского института переливания крови и его филиалов, за годы войны для фронта здесь было заготовлено 25 тонн донорской крови, при этом женщин-доноров было 82%. Сдавала кровь и моя мама – медработник, добровольно дежурила в нерабочее время сиделкой в военно-морском госпитале, расположенном недалеко от нашего дома (ныне в этом здании находится Министерство иностранных дел Грузии). Кстати, моя мать, как и тысячи других, была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945». Так поступали в Грузии повсеместно, ведь

инициаторами этого благородного дела выступили супруги знаменитых грузинских военачальников Нина Шецирули-Леселидзе и Ксения Чанчибадзе.

Сотни тысяч тружеников тыла Грузии совершили настоящий подвиг. В то время в Грузию хлынул огромный поток беженцев, эвакуированных предприятий, научных, творческих и культурных учреждений. Руководство республики буквально работало на износ. К тому же срочно приступили к выпуску военной продукции, в том числе и на более 20 крупных эвакуированных предприятиях, и на авиазаводе, который уже в ноябре 1941 года начал производство боевых самолетов. Использовались любые подсобные помещения, где было бы возможным организовать

выпуск военной продукции. Достаточно отметить, что только к 1 января 1942 года население Грузии передало фронту 20700 пар валенок и бурочных сапог, 65 150 пар шерстяных перчаток, 53300 пар теплого белья, 139220 пар шерстяных носков и чулок, десятки тысяч телогреек и многое другое. И это было началом. Уже в 1943 году промышленность Грузии по сравнению с 1939 годом увеличилась вдвое, в период битвы за Кавказ, когда все пути в Грузию с запада и севера были практически отрезаны, здесь, на месте, производили снаряды и мины, автоматы и минометы, патроны, гранаты, боеприпасы, другое вооружение, включая самолеты и бронемашину. Из личных сбережений население Грузии передало для нужд фронта 3.150.000.000 рублей. Кроме того, на собранные населением средства Грузия построила несколько авиаэскадрилий, танковую колонну, подводную лодку.

И еще! Беспрецедентное противостояние советских и германских спецслужб в годы Великой Отечественной войны завершилось полным крахом гитлеровских надежд и замыслов. Не стали исключением и неоднократные попытки взорвать Закавказье, в частности, Грузию изнутри. Чекисты и пограничники Грузии под командованием генерал-лейтенанта Нестора Дариспановича Лабадзе (1899-1957) вместе с Павле Ивановичем Абрамидзе (1901-1989), получившим звание первого в Грузии генерал-майоров 4 июня 1940 года, смогли с честью нейтрализовать все попытки фашистов внести в республику дезорганизацию и смуту. Почти ежедневно в критические дни битвы за Кавказ на территории Грузии чекисты и пограничники с помощью населения вылавливали вражеских диверсантов и шпионов.

Огромнейшую роль грузинские чекисты сыграли в попытках врага сорвать встречи глав великих держав – СССР, США и Великобритании И.В. Сталина, Ф.Д. Рузвельта и У.Л.С. Черчилля. Как в Тегеране в 1943 году, так и в Ялте зимой 1945 года. Достаточно упомянуть генерал-лейтенанта Григория Теофиловича

Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года. Москва

Каранадзе (1902-1970) и заместителя легендарного советского разведчика Павла Судоплатова генерал-майора Варлама Алексеевича Какучая (1905-1982), которые руководили службами безопасности на всех трех исторических конференциях глав правительств, включая их встречу в Потсдаме...

Победные залпы советских воинов в поверженном Берлине оповестили мир об окончательном крахе фашистской Германии. Тысячи счастливых лиц, радостные эмоции безмерно уставших, но бесконечно счастливых советских воинов. Улыбки, рукопожатия, смех и слезы – все смешалось в эти дни... Вот молодая черноглазая военврач, приподнявшись на цыпочки, уверенно вывела мелом на огромной задымленной колонне поверженного Рейхстага – «Гаял Джаши из Тбилиси, 9 мая 1945 год». А спустя два дня ее разыскал грузинский офицер. Они крепко обнялись, от счастья не в силах были произнести и двух слов. Это был капитан Николай Джаши – родной брат Галины. Прошли годы, Николай Ушангович стал редактором популярной столич-

ной газеты «Тбилиси», которая в то время побила все рекорды тиражей Грузии.

Как я упомянул выше, подлинный герой битвы за Кавказ, герой освобождения Крыма от фашистов, командир прославленной Краснознаменной Анапской 414-ой грузинской стрелковой дивизии генерал-майор Г.Г. Курашвили был героем и в жизни. В 60-х годах прошлого столетия боевой комдив написал очень интересную патриотическую книгу о людях, ушедших на фронт из одной семьи. Широко известна история семьи Леселидзе из небольшого гурийского села, на фронте сражались все четверо братьев. В боях при обороне Брестской крепости погиб Валериан Леселидзе. На далеком севере в одном из тяжелых сражений был убит командир полка подполковник Виктор Леселидзе. В феврале 1944 года Грузия попрощалась с легендарным командармом Константином Леселидзе. Он, как и его брат Виктор, был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. После войны домой вернулся лишь подполковник Давид Леселидзе. Это к их родителям в село Хварбети, ныне Озургетско-

го района, специально приехал после войны знаменитый командир партизанского соединения дважды Герой Советского Союза, генерал-майор Сидор Артемьевич Ковпак, чтобы выразить матери героев свою признательность!

После кончины моего соседа и старшего друга генерала Георгия Габриеловича Курашвили мне довелось продолжить начатое им благородное дело и в течение продолжительного времени публиковать в городских газетах «Тбилиси» и «Вечернем Тбилиси» материалы под общей рубрикой «Кровью братьев». В процессе поиска новых имен героев мне встречались семьи, из которых ушли на фронт и пятеро, и шестеро, и даже семеро братьев. Из семьи Иосеба Бочоришвили села Мухури Ткибульского района сражались с фашистами 11 домочадцев!.. Так сражалась тогда Грузия!

Вечная слава павшим мужественным сынам и дочерям Грузии в годы Великой Отечественной войны. Низкий поклон героям-ветеранам, которые встретят 75-летие Великой Победы!

Освобождение Севастополя

ОТ КАВКАЗА ДО БЕРЛИНА

Василий БОНДАРЕНКО

Окончание. Начало см. в №4
Поездом отправились в Новороссийск. Доложил Ильницкому о прибытии, о жизни в Керчи, о путешествии через Тамань. ГАС перебазировался со Стандарта на окраину Новороссийска. Разместился в постройках большого некогда совхоза. Мне пришлось найти квартиру в полутора километров от расположения части. Это одинокая хата, стоящая у дороги, с низкими потолками, крытая соломой. Типичная украинская, да и хозяйка – «щирая» украинка. Кругом расстилалось поле, и что хорошо, ночью можно было спать, не опасаясь налетов. А налетал немец почти каждую ночь и только к утру прекращал. Бомбил порт и военные объекты. Все, кто жил при части, по сигналу воздушной тревоги должны были находиться в своих хранилищах и подразделениях с тем, чтобы быть готовыми ликвидировать возможные пожары и повреждения.

В начале мая 1942 года немцы предприняли большое наступление на Акмокайские позиции, прорвали фронт, который защищали две не особенно боеспособные армии.

К 15-му мая все было кончено. Крымфронт перестал существовать. Отступавшие войска кинулись к переправе, и здесь, в Ени-Кале, разыгрывались трагические события. Заградительные отряды из пограничников и войск НКВД расстреливали своих же людей, особенно командиров, которые растеряли свои подразделения или же бросили их. Словом, было паническое бегство!

Плавсредств не было, и люди спасались на лодках, которые вследствие перегрузки часто опрокидывались. В бойцов, которые пытались влезть в переполненные лодки, стреляли, били по рукам.

Находились смельчаки, которые ухитрились переправляться через пролив на подручных средствах: досках, камерах и т.д. Но, говорят, мало кто достиг

берегов Кавказа, так как в проливе слишком большое течение, и там люди находили свой конец.

Представляю, какие богатые трофеи достались немцам. Я вспоминаю, когда мы высадились первый раз в Крыму, весь берег был усеян нашими противогАЗами без чехлов. Это отступающие освобождались от ненужных, по их мнению, тяжестей, чехлы же они использовали как сумки. В дальнейшем, при отступлении немцев, они так же бросали в первую очередь свои противогАЗы в металлических, цилиндрических футлярах. Так что психология людей, подверженных панике, одинакова.

Вспоминаю также, как нам пришлось снабжать нашу бомбардировочную авиацию бомбами из складов, размещенных в казематах Керченской крепости. Кстати, сама крепость была построена на высоком берегу Черного моря и главенствовала над акваторией входа в Керченский пролив. Построена она была еще во время цар-

Василий Бондаренко

ствования Екатерины II. Вокруг ров, вал, крепкие кирпичные стены, двое ворот с прочными, обитыми железом полотнищами. Внутри обширные подземные казематы, забитые нашими бомбами разных калибров, и при первом отступлении наших войск в сентябре 1941 года они нетронутыми были оставлены немцам, и такими же нетронутыми немцы оставили их нам, когда мы высадились в декабре. Местные жители рассказывали: «Немцы подозревали, что склады заминированы, и боялись даже показываться в крепости». Недалеко от крепости был еще склад авиабомб. Это были тонные махины, и наши при отступлении подорвали их. Взрывом они были разбросаны, и у них были повреждены стабилизаторы. Так что мнение – боеприпасы при взрыве сдетонируют, сомнительно! Наверное, при вторичном нашем отступлении эти бомбы еще раз достались немцам, а в 1943 году снова вернулись к нам.

Заканчивая повествование о Крымской эпопее, хочу отметить: нам повезло. Задержись еще на неделю в Керчи, неизвестно, где мы были бы сейчас.

Из-за частых и ожесточенных бомбардировок Новороссийска

командование ГАСа решило часть людей и материальных средств перебросить в станицу Абинскую. Это километров 60 в сторону Краснодара. Выезжая часто в город и в порт, я видел, как много разрушений произвели массированные налеты фашистов. Во время налетов погибло много мирных жителей. Город почти опустел, многие эвакуировались. Наблюдал страшную картину сейчас же после бомбежки. Проходя по разбитым улицам города, видел неубранные трупы. На выезде из Новороссийска стояла мельница, перед ней высокие деревья. Смотрю, на ветках что-то висит. Подхожу ближе. О ужас...! Висят части человеческого тела.

Крымфронта нет. Создан Северо-Кавказский фронт. Наш ГАС очутился на переднем крае. В начале июня 1942 года мы перебазировались за Армавир, в станицу Коноковскую. Это Кубанская глубинка. Тихая станица с широченными улицами (впрочем, как и все улицы в станицах Северного Кавказа. Это говорит о том, что в период расселения казаков, еще при Екатерине II, земли было много, и ее не жалели). Можно было купить и молока вдоволь, и яиц у местных жителей. Вечером под гармошку наши офицеры и бойцы устраивали танцы с молодыми казачками. Наступило лето. В садах поспела клубника. Лакомились ею. Наши склады боеприпасов были расположены в станичных садах.

Но не пришлось пожить мирной жизнью в тихой станице. То и дело приходилось бывать в командировках в Краснодаре, Армавире, а в конце месяца пришлось переехать в Краснодар, где был сформирован филиал ГАСа. Здесь я выполнял обязанности начальника учетно-оперативного отдела. Наша задача: прием имущества, прибывающего из тыла на самолетах, и снабжение авиачастей, базирующихся на аэродромах вокруг Краснодара. Стоим на военном аэродроме, живем в зданиях, где помещались персонал аэропорта и военно-авиационное училище. Хранилища располагались в ангарах.

Рядом с аэродромом кол-

хозные сады и бахчи. Июль, август – время арбузов и дынь. Уж здесь мы насладились ими вдоволь! В особенности хороши были дыни «Колхозница». Но и здесь не было спокойствия от немцев. Город они не бомбили, но на аэродром налетали часто.

Как-то днем, в жару, прилег я под вагоном в тени и задремал, проснулся от взрыва, осмотрелся, а ангар, где хранилось наше имущество, наполовину разрушен. К счастью, не вспыхнул пожар, разрушено было только здание, имущество не пострадало. Ранен один боец.

Краснодар жил в это время какой-то притихшей жизнью. Как-будто в ожидании чего-то неотвратимого. Немцы были в Крыму и под Ростовом. Последние события в Керчи потрясли не только армию, но и все население Кубани.

Лето – время, когда немецкая армия активизирует свои действия. В иное время года при нашем в то время бездорожье их технике было просто не пройти. Техника же они превосходили нас. Каждой ночью с нашего аэродрома поднимаются многомоторные, но тихоходные «ТБ-3», груженные боеприпасами, амуницией и продовольствием для осажденного Севастополя и крымских партизан. «ТБ-3» – это летающая мишень для «Мессершмиттов», ночь – их время.

После захвата Керченского полуострова фашисты сосредоточили все свои силы против сопротивляющегося Севастополя. В начале 1942 года Севастополь был оставлен нашими войсками, а в конце июля враг захватил Ростов, и танковые армии его безудержно покатались степными дорогами Сальска в обход Тихорецка, Армавира прямо на Ставрополь и МинВоды.

Враг захватил всю Кубань. Мы сидели на Краснодарском аэродроме. Летчики, вылетающие на боевые задания, приносят неутешительные вести. Колоссальный прорыв врага, стремительное продвижение его в сторону Минеральных Вод. На пути немцев наших войск нет. Жара и сухая погода превратили северокавказскую глину в пыль. Из-за облаков

Госпиталь в полевых условиях

пыли невозможно разобрать, где наши, где немцы, – говорят летчики. Наш начальник филиала, техник-лейтенант Пхакадзе в панике.

Прилетает «Дуглас» из Москвы или с Урала. Привозит запчасти к самолетам. Летчик вызывает наших людей и говорит: «Вот вам груз, вот и накладная. Распишитесь в получении, через 10 минут я должен лететь обратно». А груз – насыпью, без упаковки и бирок. Начальники хранилищ, офицеры хотя технически грамотны, но не всегда могут разобрать, что за деталь и к какому она самолету. Были самолеты в начале войны одни, в процессе войны конструировались, строились и принимались на вооружение новые, более совершенные. На смену «И-16», «Чайкам» пришли «Лаги», «Илы», «Миги» и другие.

«Дугласы» все больше подбрасывали авиазапчасти, а приемные акты по вышеуказанным причинам не оформлялись. Все они кучей лежали в ангаре. О точном их учете не могло быть и речи. Приезжавшие за запчастями подходили к этим кучам и брали, что им было надо, подчас

они и сами толком не разбирались во взятых деталях. Пхакадзе на мои доклады говорил, что разберется в этом хаосе, а сам на «полutorке» с шофером уезжал в город. И так каждый день!

Приезжает как-то раз из города очень рано, примерно через час после выезда, бледный и сообщает: «Тихорецкая и Кавказская заняты немцами». 7-е авиаремонтные мастерские передвижные, размещенные в специальном железнодорожном составе, базировавшиеся на Краснодарском аэродроме, с первыми сообщениями о прорыве немцев выехали в сторону станции Кавказская, но вернулись, так как последняя уже была занята немцами. Не сегодня-завтра нужно было ждать их в Краснодаре. Единственный путь по железной дороге остался в Новороссийск. Пхакадзе поднял всех людей упаковывать имущество и эвакуироваться по железной дороге. Выехали мы с ним на станцию Краснодар-II добывать вагоны. Там уже почти паника. Железнодорожники нервничают. Бесперывным потоком идут поезда со стороны Тихорецкой и Кавказской. А дальше куда? В Новороссийск?

Но там тупик! Даст ли немец спокойно эвакуировать этот поток эшелонов?! С трудом доставили пять вагонов. К вечеру все погрузили. Встал вопрос, кто поедет с вагонами?

Пхакадзе, Гогуа, Васин и приближенные к ним решают ехать на автомашине через Усть-Лабинскую, Майкоп в Туапсе, а мне поручают ехать с вагонами по железной дороге в Новороссийск. Дают двух бойцов. Надо было посмотреть на почти плачущую физиономию Пхакадзе, когда он уговаривал ехать с вагонами Гогуа и Васина, на чьей ответственности было имущество. Вот здесь нужно было проявить благородство души, патриотизм и долг, скрепленные присягой. Начальник сам должен ехать с имуществом, которое ему поручило государство, и тем самым подбадривать своих подчиненных. Как раз этого сейчас и не было. Тут проявился эгоизм, граничащий с трусостью. Дело дошло до того, что во время этих уговоров со стороны Пхакадзе, Васин достал пистолет, подтверждая свои доводы не ехать в Новороссийск. Видя все это, я сказал: «Ладно, поеду я, но за имущество не от-

вечаю и ни на каких документах в приемке его не расписываюсь». Вся ответственность за имущество таким образом лежит на поспешно убравшихся Пхакадзе, Гогуа и Васине. Сели они на «полуторку» и уехали. Я с бойцами остался у вагонов. Ночью нас с Краснодар-II перебросили на Краснодар-I. Утром сформировали состав, прицепили паровоз. Ждем отправления в Новороссийск. С севера доносится артиллерийская канонада, видимо, бои идут в 15-20 км от города. В ожидании отправления прошелся в сторону паровоза. Окликнул машиниста – молчание. Поднялся на паровоз – людей нет. Паровоз в горячем состоянии, на манометре 8 атмосфер. Обошел локомотив со всех сторон – никого нет, прошелся вдоль состава, нет и кондукторской бригады. Пошел на станцию. В помещении дежурного всего один человек.

Спрашиваю: «Когда отправится стоящий на путях состав?»

– Не с кем отправлять, нет паровозной бригады. Все эвакуировались!

В это время входят двое с сундучками, видимо, машинисты, и заявляют: «Нам приказано отправиться в Новороссийск, в эвакуацию».

– А вы машинисты? – спрашивает дежурный.

– Да!

– Так вот, лейтенант, – обращается дежурный ко мне, – покажите товарищам готовый к отправлению эшелон, а я тем временем заготовлю маршрут, запрошу перегон и выпишу путевку.

Машинисты не против повести состав, но без обер-кондуктора ехать не могут, но тут нашелся и обер, собравшийся в эвакуацию. Бригада проверила паровоз, опробовала тормоза, обер сходил за путевкой, и мы отправились. До Новороссийска. Это был тернистый путь! Налеты сопровождали нас в течение суток. Немцы не давали нам покоя, на станциях подолгу стояли. В особенности много пришлось перетерпеть на станции Тоннельная. Здесь стоял бронепоезд и закрывал перегон. За ним охотились немецкие самолеты. Бронепоезд отбивал атаки самолетов и в самый разгар налетов входил в тоннель, укрываясь от бомб.

Ночью нас пропустили в Гайдук, первую станцию от Новороссийска. Здесь простояли целый день, и только к вечеру попали в парк «А», распределительную станцию. Отсюда

железнодорожные пути расходятся по всем пристаням Новороссийска и многочисленным предприятиям. Все пути в парке забиты, а составы идут и идут. Уже принимать некуда, и поезда стоят в одну нитку на перегоне в сторону Гайдука. Здесь же скопилось много эвакуированных гражданских лиц, в основном ответственные работники советских, партийных учреждений и предприятий. Располагались они здесь же, в парке.

Прошел я на каботажную пристань, к которой обычно пришвартовываются пассажирские суда внутрисоюзных линий. Нужно сказать, что в Новороссийске несколько пристаней, имеющих свои специфические и специальные назначения: импортная, лесная, каботажная, хлебная и другие. На каботажной пристани «Вавилонское столпотворение». Стоит пароход, грузятся в основном войсковые части, штабные и тыловые учреждения. Каждый командир старается погрузить свое имущество и своих людей. Ежеминутно вспыхивают ссоры, доходящие чуть ли не до применения оружия.

Подумал, разве здесь есть возможность эвакуации и погрузки моих вагонов, которые

В освобожденной деревне

Транспортировка раненых

стоят в трех километрах от пристани на забитых другими вагонами путях? Зашел к коменданту порта. Он меня и слушать не стал.

– Вы видите, что здесь творится?! Люди озверели и готовы друг друга перестрелять.

Постоял я, посмотрел на эти драматические события и полный мрачных мыслей дождался, когда этот пароход отвалил в наступивших сумерках. Уже в последнюю минуту, когда сходни были убраны, гражданские люди прыгали через борт и висели гроздьями на снастях.

Видел здесь своего бывшего сослуживца по ГАСу лейтенанта Образцова. Он был переведен от нас в другую часть. С улыбкой на лице крикнул мне:

– Уезжаем из этого ада, завтра будем в одном из портов Кавказа!

А завтра распространился слух, что пароход этот был торпедирован недалеко от Новороссийска. Так и не попал он в один из портов Кавказа.

Вернулся я в парк «А» к своим вагонам, усталый и голодный, с чувством безысходности. Солдаты мои ужинают в обществе гражданских лиц. Присел у костра, погрузившись в свои думы. Положение катастрофическое, хотя я и не отвечаю за имущество, его надо спасать. Но как? Мысли грызли мозг

и душу. Один из моих бойцов Чертов организовал мне ужин – притащил целый окорок и пожарное ведро водки.

– Откуда это? – спрашиваю.

– Здесь, товарищ лейтенант, стоит вагон – холодильник, груженный окороками и копченостями. А рядом платформа с бочками водки. Жители близлежащих домов пронюхали про этот груз и начали растаскивать. Так мы это дело прекратили. А это отобрали и оставили себе. Вагоны закрыли и сейчас держим глаз за ними.

Пошел я, проверил. В самом деле, вагоны закрыты. Отрезали мне хороший ломоть ветчины, налили алюминиевую кружку «Московской». Нет, не лезет в горло! Отхлебнул глоток водки и пошел спать в вагон. Благо, в одном из вагонов были погружены парашюты. Готовая постель. Лежу, а мысли не оставляют меня. В наших вагонах ценнейшее авиационное имущество, а ведь в стоящих рядом вагонах, наверное, не менее ценный груз и продовольствие. Когда и как его эвакуируют? Новороссийск – железнодорожный тупик. Значит, морем? Но где плавсредства? А о сухопутной вывозке и говорить не приходится! Наутро встал и пошел в сторону Гайдука, там был аэродром, где базировалась морская авиация. Мысль такая: «Может быть,

сдам им часть имущества?» Разыскал начтеху. Рассказал о нашем положении.

– Дорогой лейтенант, очень сочувствую, но мы сами не знаем, как будем поднимать наше имущество, а уже получили приказ о перебазировании.

Так я и ушел ни с чем.

В парке «А» подходит ко мне один из гражданских. Представляется зав. районным отделением Госбанка и говорит:

– Слышал, вы собираетесь выехать в Туапсе. Заберите меня. Я налегке, только два чемодана. В случае благополучного путешествия – 30 тысяч рублей ваши.

– Кто вам сказал, что мы едем в Туапсе? И на чем мы должны ехать? У нас нет машины. Вы видите, какое создано положение? Нам придется сдать свое имущество и уйти в горы партизанить.

Подумал, а ведь эти два чемодана, должно быть, набиты денежными купюрами. 30 000 для него пустяки.

Отправился на пристань. Там тоже грузились пароходы. Может быть, уговорю тамошнего коменданта порта принять мои вагоны к эвакуации. Но там тоже творится своего рода ад.

Столпотворение людей, криков, шум, иногда слышится стрельба. Грузится железнодорожная авиамастерская, та, что не могла прорваться через станцию Кавказскую. В панике срываются с места станки, выносятся без всякой осторожности дорогостоящее оборудование, ломаются и калечатся вагоны. Здесь на мои глаза произошел трагический случай. Комиссар авиамастерских застрелил Гусева, отказавшегося выполнить приказ: сопроводить груз мастерских на пароходе. С Гусевым мы работали в тресте «Чай-Грузия». Я не стал в этом хаосе искать коменданта – бессмысленно.

Солнце уже садилось, когда подали сигнал воздушной тревоги. Не успели люди опомниться, как из-за гор, окружающих Новороссийск, показались немецкие самолеты. Взглянув на небо, я увидел самолетов 20, идущих прямо на пристань. Люди разбежались. Послышался свист бомб, я лег в ближай-

шую канаву. На дне была вода. Нет, думаю, не годится лежать в воде. Поднялся и перебежал под стену какого-то сарая. В этом время начались взрывы. Сколько это продолжалось – не помню, только открыв глаза, увидел огонь цвета зрелого арбуза и больше ничего. Кругом тишина. Ну, думаю: «Все, наверное, меня разорвало на части, как тех людей, чьи останки висели на деревьях возле мельницы. Голова же, отделенная от туловища, будет еще несколько мгновений выполнять свои функции, то есть соображать». Мне вспомнился в тот момент эпизод, о котором я прочел еще до войны в книге, где описывалась сцена гильотинирования человека, который смотрел на одного из окружающих эшафот и после того, как голова скатилась. Попытался шевельнуть руками и ногами. Вроде бы они на месте. Стараюсь освободиться от тяжести, навалившейся на меня. На мне лежал убитый боец, старшина авиамастерских. Он был ранен в спину. Вся гимнастерка его была в крови.

Голова гудит, плохо слышу. Горит трофейный «Мессершмитт», который должны были забрать с собой авиамастерские. На территории цементного завода «Пролетарий» был расположен медсанбат, куда пострадавших и отправили. Пролежал я там до ночи. Голова успокоилась, и слух тоже стал постепенно возвращаться. Вернулся в парк «А». Мои бойцы ахнули, не узнали меня. Во-первых, весь в грязи, а во-вторых, изменился внешне: похудел и постарел. Таковы результаты контузии.

Бомбардировки города и порта с воздуха участились и ужесточились. Немецкие самолеты буквально висели над городом и днем, и ночью. Особенно бомбили порт. Эвакуация людей и имущества в основном производилась морским путем.

Принимаю решение. Коль скоро немец еще не перерезал шоссе на Туапсе, оставить одного бойца с имуществом, а самому со вторым – Федяниным отправиться пешим ходом в Туапсе и Сочи, куда по слухам перебазировались штабы и учреждения Северо-Кавказского фронта. Вещи свои оставил у

хозяйки на Анапском шоссе и налегке двинулся в путь.

Ежеминутно налетали самолеты, чтобы попасть на Туапсинское шоссе, надо было пройти мимо пристани и цементного завода, объектов, особо подверженных бомбежке. Решил не испытывать еще раз судьбу, а по горам обойти город.

На одной из улиц обратили внимание на громадную воронку и на кучу неопределенных предметов, не то старая одежда, не то ветошь. Подойдя ближе, мы стали свидетелями ужасной картины. Это было нагромождение разорванных человеческих тел. В один момент мне показалось, что это полуманьящие куклы. Жители близлежащих домов кое-как собрали в одну кучу останки несчастных, прикрыв их же одеждой. Частые налеты не давали возможности предать их земле. Обычно их хоронили здесь же, на месте гибели. После освобождения Северного Кавказа в 1943 году мне часто встречались такие могилы на улицах городов Армавира, Кавказской и других.

Прошли по гористой окраине города, с высоты отчетливо видна была общая картина налетов немецких самолетов. Будучи вне досягаемости бомб, мы не боялись и наблюдали все бомбежки. На примерно 1/3 высоты, когда бомбы отрываются от самолета, они видны, этакие

громадные туши, а потом исчезают.

Выйдя за город и пройдя пешком до Кабардинки, поняли, что 200 км до Туапсе будем идти целую неделю. Не годится! Попросились на машины проходящего эвакогоспиталя и доехали до Архипо-Осиповки. Дальше опять пешком. В Тешебе, эстонской деревушке, нас догнал конный обоз какой-то части. На старинной линейке с двухсторонними сидениями едет комсостав. Линейка останавливается, и один из офицеров подходит ко мне и спрашивает:

– Вы не Бондаренко? Вы работали в «Чай-Грузии»?

Оказалось, он работал прорабом на одной из чайных фабрик и по роду своей деятельности встречался со мной. Разговорились. Оказывается, его батальон отступает с Северного Кавказа. Посадили нас с Федяниным рядом на повозку. Но ненадолго. В Джугбе генерал оставил батальон в своем распоряжении, и мы опять пошли пешком.

Ночевали в Джугбе. Это была кошмарная ночь. Все время висели парашютные фонари, и при их свете нас непрерывно бомбили. Ночь, незнакомая местность, все вокруг занято отступающими войсками. Целей много, идти куда-либо – напорешься на часовых, обстреляют. Так и просидели мы с бой-

Советская армия входит в освобожденное село

Немецкая семья, в которой В. Бондаренко жил в г. Шраденау

цом под каким-то балкончиком.

Наутро нам опять повезло – на «полutorке» доехали до Туапсе. Здесь тоже ад. Весь центр разбит. Прошли быстрым темпом вокзал. Людей не видно. В развалинах вокзала лежат трупы.

По железнодорожным путям пошли в сторону Сочи. Войны нет. Мир и тишина. Недаром в одной из фашистских листовок, которые сбрасывали немецкие самолеты, Гитлер грозился: «Туапсе бомбежками сравню с землей, а на Сочи не упадет ни одна бомба. В него войду с музыкой, и в его санаториях будут отдыхать мои доблестные солдаты!».

Расспрашивать, разыскивая воинские части, нельзя было, не то время, да и некого. Впоследствии выяснилось, что наше начальство, штаб тыла ВВС фронта обосновался в Вишневке. Это в 10 км от Туапсе. Из Сочи до Гантиади добрались пригородным поездом. Черноморская железная дорога еще не была достроена. На въезде в Гагру на КПП у всех военных отобрали оружие, нас же не тронули, так как наши документы были в порядке.

За все время отступления где приходилось ночевать, чем питаться, одному Богу известно. Благо, был август, тепло, и проблема ночлега не представляла трудностей. Земля, скамейка, шинель – вот вам перина

и одеяло.

Небритые, грязные, сапоги мои окончательно разбились, пришлось приводить их в порядок с помощью веревок и проволоки. Вот таков был внешний вид офицера Советской армии в горестный для нашей Родины 1942 год. Кроме того, от постоянного недоедания и грязи на лице то и дело выскакивали прыщи и фурункулы.

Из разговора со встречаемыми в пути отступающими военнослужащими выяснилась общая картина замыслов немецкого командования. Ударом со стороны Ростова–Батайска по пустынным Сальским степям танковыми армиями фон Клейста ставилась задача захвата Грозного. Во-первых, чтобы обеспечить вермахт нефтью, а во-вторых, отрезать оставшиеся на Кубани наши части, образовав громадный «котел». Затем отдельными клиньями расчленив окруженных по направлениям Майкоп–Туапсе, Новороссийск и Орджоникидзе, открывая тем самым путь в Закавказье. Северо-Кавказский фронт тоже распался. Вся авиация перебазировалась частично в Закавказье, частично восточнее Орджоникидзе в районы Грозного и Махачкалы.

Когда там, в Новороссийске, я решил идти в Туапсе, то должен был найти штаб 4-ой Воздушной армии, добиться ав-

тотранспорта и вывезти имущество авиамастерских из парка «А». Из осторожных расспросов встретившихся военных (никто ничего толком не мог сказать, где и что творится вокруг) понял только, что кругом полная неразбериха, граничащая с паникой. Что делать? Чувствую, что седею и старею от них. На ум приходят мрачные мысли – ведь это военная катастрофа! Куда дальше отступать? Ведь позади враждебная Турция. Решаем с Федяниным двигаться дальше на юг в сторону Тбилиси, ведь там тыл и ВВС Закавказья.

Гагра. На выходе из города КПП с неизвестными пограничниками, можно на попутной машине добраться до Сухуми-Келасури, а оттуда поездом до Тбилиси. На КПП нас задержали, что-то не понравилось дежурному в документах. В сопровождении автоматчика нас направили обратно в Гагру, в главную комендатуру. Я наотрез отказался идти рядом с автоматчиком: я – офицер, и меня должен сопровождать военнослужащий, равный мне по званию. С дежурным порешили, что бойцы (Федянин и пограничник с автоматом) идут впереди, а я их сопровождаю сзади. После 20-минутного ожидания нас принял комендант, полковник. Расспросил, куда и зачем движемся в тыл. Объяснил. Комендант вернул документы и просил не обижаться на задержку, при этом добавил:

– Дежурному по КПП вы показались подозрительным, уж очень похожи на немца: высокий, голубоглазый.

Это была первая задержка по такой причине, в последующем еще два раза сомневались во мне – не немец ли я? Вернулись на старый КПП, сидим с Федяниным и ждем возможности добраться до Сухуми. Сидим час, другой, мимо проходят вереницы автомашин, отступающих и эвакуирующихся. Но вот идут машины, груженные авиаимуществом, и вдруг останавливается одна из них, и кто-то громко называет мою фамилию. Подхожу. В кабинке сидит наш бывший комиссар Казаков, это его БАО отступает из станицы Гастагаевской. Я объяснил

наше положение. Он также был не в курсе создавшейся ситуации и ничего не мог сказать о дислокации частей.

– Пока садитесь в нашу машину. Приедем на место, осмотримся, а там видно будет.

Калдахвара – абхазское село, здесь новое место базирования БАО. Разместились по домам и пригодным для жилья постройкам. Казаков дал распоряжение накормить нас.

Отдохнули, выспались, привели себя в порядок. В реке Бзыбь выкупались, выстирали белье и обмундирование, стали похожи на военнослужащих Советской армии, а то были какие-то оборванцы, грязные, замызганные. Прожили на новом месте дней пять. В один из этих дней подходит к нам Казаков и говорит:

– Обстановка проясняется. Немцев задержали у Новороссийска, севернее Туапсе и у Моздока. Отступление прекратилось. Фронт стабилизировался. Идет перегруппировка наших войск. В действие вступил Закавказский фронт. Войска, дислоцирующиеся на побережье Черного моря, вошли во вновь организованную Отдельную Приморскую армию, которой командует генерал Иван Петров. Скоро все прояснится, и будет известно, где находится ваш ГАС.

Спустя время Казаков говорит:

– ГАС отступал через Баку, и ему предписано собраться в Зестафони.

Дело в том, что базировавшийся в Конакове под Армавиром он был захвачен немцами, и только река Кубань предохранила его от разгрома.

В столовую во время обеда врывается новый комиссар, назначенный после Казакова, и паническим голосом кричит:

– Немцы за Кубанью – все в оборону!

В какую оборону? Чем обороняться против танков? Никто ничего не знает. Потом выяснилось, что за Кубанью по проселкам замечается какое-то движение, но за тучами пыли ничего невозможно разобрать. Как потом оказалось, это форсированным маршем двигались танки неприятеля. Выслали ма-

шину в РАБ. Стоял он в станции напротив Армавира на правом берегу Кубани. Вернувшийся человек, это был Алшибая, рассказал, что РАБ давно снялся и выехал в неизвестном направлении. По его словам, саперы в Армавире взрывают военные объекты. Это известие окончательно посеяло панику среди командного состава ГАС. Начальник Ильницкий потерял голову и в такой момент хотел застрелиться. Удержал его Желобов, начальник АХО, жесткого характера человек, уравновешенный, не лишенный волевых качеств. Решили во исполнение приказа Сталина при отступлении ничего не оставлять врагу, имущество сжечь, боеприпасы взорвать. Ответственными за выполнение этих акций Ильницкий назначил кадровых офицеров, военного инженера Кныша, техников Мягкова, Телешева и других.

Самолеты, запчасти, автомашины, все, что не на ходу и прочее имущество должно быть сожжено. Ждали только сигнала, который должен был подать красной ракетой Ильницкий. Он же окончательно размяк. Наши доблестные кадровики, не дождавшись сигнала, начали взрывать боеприпасы, штабеля которых находились в пяти километрах в колхозном саду. Здесь же в Конакове, видя такое, тоже не дождавшись сигнала, подожгли колхозный сарай, в котором хранилось имущество.

Пока поехали за очередной партией груза, на станции появились саперы и предложили покинуть территорию, так как им приказано взорвать водонапорную башню, входные стрелки и управление ими. Машинисту ничего не оставалось, как двинуться на выход. Так и уехала часть имущества без до-

5 мая 1945 года. Берлин. В. Бондаренко справа

кументов и даже без сопровождающих. Уже в 1943 году выяснилось, что груз сохранился и благополучно был доставлен в Ереван.

Личный состав направился в сторону Орджоникидзе. Часть людей эвакуировалась по железной дороге через Баку. Машины же – по Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогам.

Комиссар Казаков выправил наши командировочные удостоверения в направлении Тбилиси, а там, мол, через отдел кадров ВВС Закавказского фронта доберетесь до Зестафони. Почему в Тбилиси? Только такой человек, каким был Казаков, мог понять психологию людей после драматических событий лета 1942 года, ведь каждому из нас хотелось подать весточку своим родным и близким.

Перед отъездом комиссар просил повидать его семейство, проживающее в Тбилиси, и передать кое-какие продукты (комбиджир, крупы, сахар).

Какой это был благородный и отзывчивый человек! Настоящий политический руководитель и наставник, знавший души подчиненных и готовый сделать все возможное для них. Посадил нас с Федяниным на полуторку и отвез на станцию Келасури. Но до Келасури мы так и не доехали. Немец в это время бомбил Сухуми. Машину в город не пустили, и нам пришлось топтать пешком через весь город. Улицы были пустынные. Людей не было видно. Город казался мертвым. Единственного человека встретил военного, который оказался

старым знакомым, сослуживцем по «Грузпищепроекту» – Кужелев-Шакун. Он обрадовался встрече, но был настроен пессимистично: «Немец бомбил город, правда, только один раз, но и этого достаточно, чтобы все жители разбежались. Противник выбросил воздушный десант за Кавказский хребет, и на южной его части захватил абхазскую деревушку Псоу. Мы, саперная часть, обеспечивали войска, борющиеся с десантниками. Наверно, нам всем придется здесь погибнуть». Я объяснил свое положение, и мы расстались, каждый со своими невеселыми мыслями. Уже после войны я встретил Кужелева. Все обошлось благополучно для нас обоих.

В Келасури с боем сели, вернее, втиснулись в вагон. Поезд из Тбилиси прибыл под вечер. Паровоз сделал обгон и задним ходом увез нас из опасной зоны, так как с наступлением сумерек ожидался налет.

Приехали в Тбилиси. Дома нас не ждали, и мое появление считали чем-то сверхъестественным. Оказывается, Ильницкий уже был здесь. Этот тряпка, бросив своих людей где-то на Северном Кавказе, на легковой машине примчался в свою семью. При встрече с моей женой Валей сказал, что он не знает, где я. Был, мол, Бондаренко в Краснодаре, немец уже захватил город, и пусть Валя меня не ждет.

Оказывается, личный состав ГАСа собрался на станции Беслан. Часть людей была отправлена по Военно-Грузинской

дороге, а большая часть отправилась по железной дороге через Баку в Зестафони. Так закончилось наше отступление.

Товарищи потом рассказали, что проезжая по железной дороге, тбилисцы решили побывать дома и повидать родных. Вполне законное и легко выполнимое желание, тем более, что конечная станция назначения – Зестафони – была известна. Ильницкий отсиживался в Тбилиси, оставив вместо себя помтеху Букаса. А этого Букаса никто из офицеров, как и всех этих кадровиков, не любил за их пренебрежительное отношение к нам, призванным из запаса. Вместо того, чтобы по-хорошему разрешить повидать родственников, Букас категорически запретил отлучаться из эшелона. Но соблазн был, конечно, велик, и тбилисцы под видом опоздавших к отходу остались в городе.

Вот уж не помню кого, но я встретил в Тбилиси одного из таких «дезертиров». Он сказал, что две автомашины с начальником ПАРМА Ментьевым оставлены в Тбилиси для ремонта, и после его окончания они будут направлены в Зестафони. За несколько дней в Тбилиси повидал всех своих родственников. Отдохнул. Утолил свой голод, который в последние дни особенно доконал. Избегал встреч с комендантским нарядом. Время уж больно тревожное, немец был на перевалах, и хотя у меня были командировочные документы в порядке, я старался не испытывать судьбу. Тбилиси – уже не глубокий тыл. Настроение у всех подавленное. Что будет дальше?

Узнав про Ментьева и автомашины, которые он ремонтирует, я зашел к нему домой. Он мой сосед по району, живет над Курой в Шавсопели, возле бани «Гогило».

– Да, ремонт окончен, послезавтра отправляемся в Зестафони, – сказал Ментьев, – заберем и вас двоих.

Поехали и те «дезертиры», что «опоздали» на эшелон. Утром выехали, к вечеру были в Зестафони. Подразделение разместилось в клубе ферросплавного завода. Печальное впечатление произвели на меня

Встреча ветеранов Великой Отечественной в парке Победы. Тбилиси. 1970 г.

офицеры и бойцы: больные, измученные, оборванные, заросшие, с бородами. Техник Вертей лежал, весь покрытый язвами типа экземы. Не лучшее впечатление на них произвел и я. Обмундирование, хотя и чистое, все залатанное, сапоги разинули пасти, точно голодные акулы.

Не успели мы выгрузиться из машин, как помтех Букас приказал всем, кто «отстал» от эшелона, сдать оружие и зайти в помещение, короче говоря, арестовал всех офицеров. К этой группе причислил и меня. Я не сдал оружия, подошел к Букасу и говорю:

– Во-первых, я от эшелона не отставал, я прибыл с бойцом прямо из Краснодара, а во-вторых, кто вам дал право арестовывать офицеров, тех, кто выше по званию.

Меня он не тронул, а остальных запер в помещении.

До сих пор мы были «северокавказцами», теперь мы находимся на территории Закавказья, Северо-Кавказский фронт ликвидирован, и все части, отступившие в Закавказье, были переданы во вновь созданный Закавказский фронт, подразделение же, дислоцирующиеся в Западной Грузии и на побережье Черного моря – в Отдельную Приморскую армию. А пока нас никто не берет на довольствие. Голодаем. Слоняемся по базарам, питаемся виноградом, пеламуши и мачари.

Наконец, появился Ильницкий. Я ему доложил о своих злоключениях и необходимости выделения автотранспорта для вывоза имущества, оставленного в Новороссийске.

– Нужно подождать, да и машин столько нет, нужно снести с вышестоящим штабом по этому вопросу. Таков был ответ Ильницкого.

Через несколько дней я ему еще раз напомнил насчет вывоза, а он в ответ: «Обстановка – полная неразбериха, да и Новороссийск, кажется, сдан немцам».

Единственное, что он сделал хорошего для меня, увидя мои сапоги, вызвал интенданта Алшибая и приказал выдать новые. Последний клялся и божился, что на складе их нет, но Ильницкий поставил его по

стойке «смирно» и приказал: «Выдать!»

Сентябрь. Продолжаем стоять в Зестафони. Пора ртвели. Виноград созрел. Поедаем его в невероятных количествах. Постепенно приобретаем боевую форму. Поступает авиаимущество, боеприпасы. Прибыл целый эшелон. Разгрузили на станции Свири и разместили в Аджаметских лесах. Фронт стабилизировался, наши войска оказывают упорное сопротивление. Мы в основном обслуживаем бомбардировочную авиацию, базирующуюся на Кутаисском и Сухумском аэродромах. Каждую ночь наши летают бомбить немцев за перевалом. Говорили, что наши асы всадили две сотенные бомбы в Пятигорский театр, где в это время раздавали награды фрицам за Севастополь.

В начале октября 1942 года перебазирувались в Кутаиси, вернее, в пригородное село Квитири. Живем в школе. Тяжелое было время. Питание недостаточное. С техником Титаренко из РАБа я был командирован в Батуми для приемки, вернее, отбора авиаимущества, которое прибывало из эвакуированного Новороссийска. Батуми был сумрачно замкнут. Прибыли мы утром, над городом еще висели аэростаты – заграждения. В порту стояли военные корабли, в том числе линкоры «Парижская коммуна» и «Красный Кавказ». Батуми – последний советский порт, где могут стоять столь могучие корабли. Больно стало на душе. Дальше некуда отступать, дальше – враждебная Турция.

Встретил на станции Чаква Платона Купрадзе. Он работал главным механиком на чайной фабрике. Обрадовались друг другу.

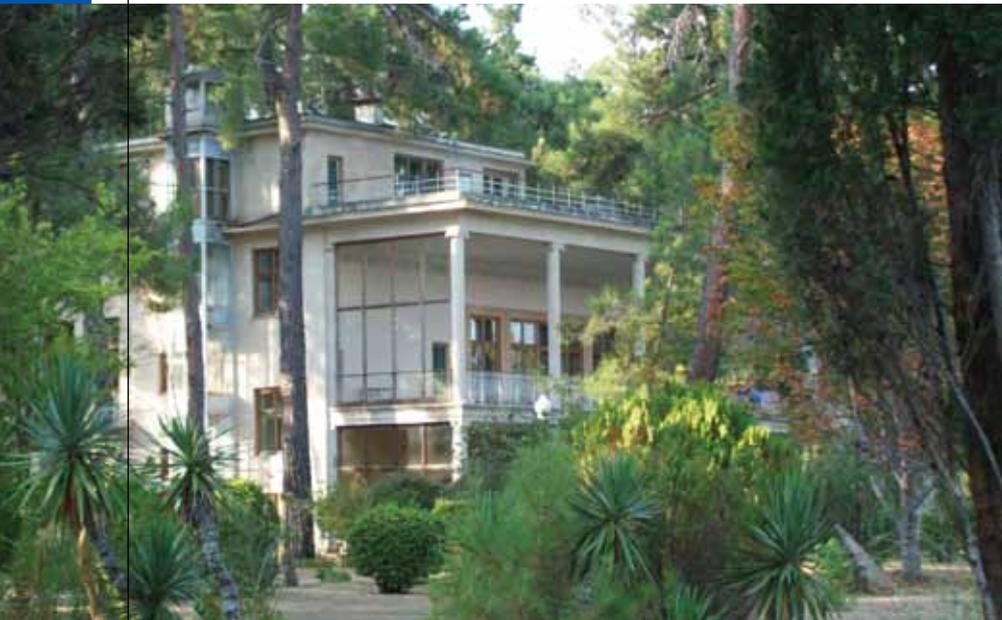
С техником Титаренко в порту из кучи эвакуированного имущества выбираем авиационное оборудование. С удивлением обнаружил свои парашюты, оставленные в Новороссийске. Это подняло у меня дух. Все-таки не пропало ценное военное имущество.

Живем в Квитири. Занимаемся, работаем, ездим в Кутаиси. С фронтов поступают горячие вести. Отступление за-

В. Бондаренко на фоне Казбека. 1972

кончилось. Закавказский фронт вступил в действие. «Стоять насмерть!» – этот лозунг не на словах, а на деле проводится в жизнь. Командиров, отступивших без приказа, расстреливали перед строем. Нам тоже пришлось быть свидетелями подобных сцен. В один из дней, задолго до рассвета, подняли нас по тревоге, посадили на машины, повезли в сторону Самтретиди по какой-то проселочной дороге. Приехав в назначенное место, где уже стояла команда бойцов с винтовками, увидели закрытую машину и группу офицеров. Нас построили в одну шеренгу. Прибыли офицеры других подразделений. Расположили всех в каре в виде буквы «П». В центре расположился взвод бойцов, из закрытой машины вывели военного, руки за спиной, без головного убора и ремня. Он шел, как заводная кукла, лицо его было лицом мертвеца. Прокурор зачитал приговор. Оказывается начфин подразделения при отступлении дезертировал, прихватив кассу. Ему завязали глаза. Последовала команда. Залп. Расстреливаемый дернулся вперед и упал. Что было дальше – осталось за памятью. Возвращались обратно молча, все были потрясены. Война жестока!

Дача Н. Хрущева в Пицунде

НЕВЫДУМАННЫЕ ЛЕГЕНДЫ. ПРО ХАШИ И ПИСТОЛЕТ МАКАРОВА

■ **Владимир ГОЛОВИН**

Комитет безопасности Грузинской ССР был бесспорным рекордсменом среди таких же «контор» других союзных республик – почти 34 года им беспрерывно руководил один и тот же человек. Причем не оканчивавший чекистских академий и даже курсов. Можно сказать, что Алексей Николаевич Инаури попал в руководящие кабинеты «органов» практически из седла. Девятнадцатилетний горийский парень, работавший молотобойцем вагонного депо в Тифлисе, в 1927-м был призван в армию и больше двух десятков лет прослужил в коннице.

Воевал он отважно, кавалерийскими дивизиями командовал умело и завершил войну генерал-майором, с несколькими боевыми орденами. Затем окончил Высшую военную академию имени К. Е. Ворошилова и только получил под командование уже стрелковый корпус, как партия решила направить кадрового военного на родину. Бороться с преступностью. Комкора Инаури в 1953-м переводят из Прикарпатья в Грузию никем иным, как ... министром внутренних дел. А через год он и вовсе становится председателем только что созданного КГБ при

Совете министров Грузинской ССР. Так в обязанности боевого генерала входит тайная война – внешняя разведка и контрразведка, оперативно-розыскная деятельность и охрана границы, борьба с инакомыслием и антисоветской деятельностью...

Каких же таких успехов в борьбе с «рыцарями плаща и кинжала» добился Алексей Николаевич? Сие, конечно, тайна служебная есть. Но вот о главной его заслуге знали многие, даже далекие от чекистской деятельности. В октябре 1964 года на Пицунде отдыхал «дорогой Никита Сергеевич», Первый секретарь ЦК КПСС и Предсовмина СССР Хрущев. Он уже так «достал» всех от военных до хозяйственников и партийной номенклатуры, что люди, которых он сам некогда возвысил и приблизил к себе, составили хорошо продуманный заговор. И важнейшей частью этого заговора была поездка Хрущева на Пицунду. Ее надо было использовать, чтобы изолировать там руководителя страны и в нужный момент отправить в Москву для снятия со всех постов. Именно это обеспечил Алексей Инаури с подчиненным ему аппаратом. За что и получил пожизненно пост главы КГБ советской Грузии.

Впрочем, точнее, не пожиз-

Алексей Инаури

ненно, а до тех пор, пока не ушел в отставку в 1988-м, в восемьдесят лет. А еще за эти 24 мирных года Алексей Николаевич стал Героем Советского Союза, получил три ордена Ленина, два – Трудового Красного Знамени, по одному – Октябрьской революции, Отечественной войны I степени и Красной Звезды. Его не тронул ни один из пяти сменившихся за это время председателей КГБ СССР. Впрочем, Грузия была единственной республикой в СССР, непосредственно выходившей на «враждебную зловещую НАТО», а именно – на Турцию. И вполне возможно, что Инаури успешно решал какие-то особые задачи в противостоянии с этим блоком.

Подчиненные его уважали, а еще больше – боялись. И вполне справедливо. Ведь, несмотря на военизированную структуру комитета и специфические задания

его сотрудников, они вели практически гражданскую жизнь. А в ней очень много соблазнов для нарушения дисциплины, чего «военная косточка» Алексей Николаевич ох как не любил. За дисциплиной он старался следить лично, всем сотрудникам была известна его манера говорить медленно и веско (как его земляк Коба). И так же, как тот, даже взглядом выражать свое мнение.

Так, если обойдя строй пограничников, генерал просто задерживал взгляд на каком-нибудь

Справа налево: А.Инаури, будущий Генсек ЦК КПСС К. Черненко и Э. Шеварднадзе. 1982

Ссора

солдатике, того уже заранее поздравляли с предстоящим отпуском. А с годами у Алексея Николаевича выработалась манера сидеть в президиумах всевозможных совещаний, собраний, съездов, где он обязан был заседать, прикрыв глаза. И казалось, что он подремывает, что вполне естественно для пожилого человека, утомленного говорильней. А это порождало удивительные мизансцены.

Идет как-то очередное утреннее совещание работников центрального аппарата комитета. Отчитываются начальники управлений и отделов, зампре-

ды ставят задачи курируемым, раздаются поручения. Подремывает Алексей Николаевич. И тут открывается дверь и в ней появляется некий запоздавший майор. Испуганный взгляд в сторону Инаури, сочувствующие ему (кто не опаздывал!) машут – проходи, проходи, и он бесшумно добирается до ближайшего свободного стула. А когда, вздохнув с облегчением, офицер садится, его подкидывает с сиденья голос Инаури: «А вы, товарищ майор, почему опоздали?».

В такой ситуации лучше всего говорить правду: «Хаши ел, товарищ генерал!». Кое-кто понимающе закивал. Дело в том, что в те годы, в отличие от нынешних времен, свежий хаши можно было поесть только в нескольких местах и в часы до начала работы. Что, конечно, было известно большинству присутствующих.

«И, конечно, сделали перегородочку из ста грамм?» – живо интересуется Инаури. Явиться на совещание в подпитии было смерти подобно, и опоздавший отчаянно заверяет: «Никак нет, товарищ генерал!» – не будет же приноживаться...

Приноживаться Алексей Николаевич конечно же, не собирается. Он просто выносит замечательный вердикт: «Тогда вы не хаши ели, а г..., товарищ майор. Садитесь!».

Другое мнение Инаури, тоже высказанное в сталинской манере, оказалось уже судьбоносным для двух человек. Как-то раз поссорились два секретаря одного из кахетинских райкомов партии. Да так, что на свет извлекается пистолет и один стреляет под ноги другому. Отрезвление

приходит моментально. Ссора не настолько серьезна, чтобы «подставлять» стрелявшего, и достигается договоренность: они просто рассматривали пистолет, а тот упал и неожиданно выстрелил.

Естественно, такой инцидент рассматривается на заседании бюро ЦК Компартии Грузии. И, как всегда, при подготовке решения изучается деятельность вызываемых «на ковер» товарищей. Показатели у райкома хорошие, с работой справляются, если и «берут», то, не зарываясь, «по чину», в аморалке не замечены, кляуз и доносов на них почти нет. В общем, представленное объяснение принимается, и предлагаются выговоры с занесением в личные дела за неосторожное обращение с оружием на рабочем месте.

Члены бюро соответствующим образом высказываются. Все, кроме Инаури, не открывающего глаз и мерно дышащего. И лишь, когда начинают голосовать за символическое наказание, Алексей Николаевич четко изрекает: «Пистолет ПМ – очень надежный пистолет». И, не обращая внимание на замешательство присутствующих, добавляет: «И при падении сам никогда не выстрелит». После чего вновь прикрывает глаза.

Равного боевому генералу эксперта по вооружению среди членов бюро, конечно же, нет. И партийная карьера вспыльчивых райкомовцев прерывается навсегда.

Так что не верьте прикрытым глазам! Особенно – больших начальников.

Игорь Злобин

ТАЛАНТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК ТАЛАНТЛИВ ВО ВСЕМ

■ **Инна БЕРИДЗЕ**

Недавно сделала для себя маленькое открытие: слова «талантливый человек талантлив во всем» – не анонимное изречение. У них есть автор: немецкий писатель Леон Фейхтвангер. Да, талантливый человек действительно часто проявляет себя ярко в разных областях. И оспорить эту истину невозможно!

Когда-то блестящий актер Юрий Богатырев назвал себя «актером рисующим». Потому что долгие годы делал изумительные портреты и шаржи на своих друзей-артистов. Выставка его работ была организована не только в родном актеру МХАТе, но и в Бахрушинском музее. «Баловались» шаржами (и не только – артисты работали в разных жанрах!) великий комик Георгий Вицин и мастер сцены Геннадий Бортников.

Да и нам за примерами далеко ходить не нужно. Достаточно вспомнить всего два имени, связанных с историей Грибоедовского театра, – Народный артист Грузии Игорь Иванович Злобин и заслуженный артист Грузии Михаил Петрович Минеев. Это люди одного поколения, одной профессии... Но связывает Злобина и Минеева еще

одно – оба обладали художественным даром.

Книга Игоря Злобина «Здесь живут мои друзья», вышедшая в 1984 году в издательстве «Хеловнеба», в свое время пользовалась большой популярностью среди деятелей культуры. Предисловие к ней написал известный режиссер и педагог Дмитрий Алексидзе:

«Имя Народного артиста Грузинской ССР Игоря Ивановича Злобина хорошо знают в Грузии. Проработав в Тбилисском государственном русском драматическом театре имени А.С. Грибоедова несколько десятилетий, он снискал большую популярность и любовь зрителей. Навсегда остались в их памяти созданные им образы классического и современного репертуара, такие, как Хлестаков из великой комедии Гоголя, Молчалин из «Горя от ума» Грибоедова, Карандышев, Незнамов, Мурзавецкий из пьес Островского, Треплев и Иванов из пьес Чехова, Мышлаевский из «Дней Турбиных» и многие другие. Но мало кто знает, что Игорь Злобин – человек на редкость

Обложка книги

разносторонних дарований. Будучи по природе очень общительным человеком с большим юмором, он непременно выступает активным участником всех юбилеев и автором всевозможных капустников. Он автор нескольких пьес, которые ставились на сценах многих городов страны. По его либретто написана оперетта. Сам он желанный гость всех театров Грузии. В своей книге

В. Высоцкий

«Здесь живут мои друзья» Игорь Злобин в форме дружеской шутки, а иногда с большим серьезным чувством прослеживает историческую линию дружбы двух братских народов. В простодушно-лукавых шаржах и стихотворных тексточках рассказывает про известных в Грузии и России людей, чья творческая, военная, государственная деятельность тесно связана с сотрудничеством наших бесконечно богатых культур».

В сравнительно небольшой книжке Игорь Иванович фактически охватил огромный культурный пласт. Но как? Он представил веселые портреты, шаржи на знаменитых представителях литературы и искусства – начиная от русских классиков и заканчивая режиссерами, актерами, певцами, художниками (своими современниками).

Такой легкий жанр, как шарж, во все времена пользовался огромной популярностью. Шаржи, то есть рисунки, согретые добрым юмором и включающие сарказм, исполнены так, что у прототипа не возникает обиды или злости – скорее наоборот: рождается улыбка! Именно в таком ключе работал художник Игорь Злобин. К тому же он не ограничивался изобразительным рядом, но создавал и поэтический портрет объекта своего внимания, давал ему меткую и тоже добрую, емкую характеристику. Как правило, каждый сти-

хотворный портрет в лапидарной форме выражает самую суть таланта того или иного деятеля культуры и его вклада в мировую сокровищницу искусства.

Приведем некоторые примеры таких поэтических афористичных зарисовок и эпиграмм Игоря Злобина.

Г. Товстоногов

Я памятник себе нерукотворный строю,
К нему не зарастет актерская тропа.
Еще в Тбилиси он заложен мною,
Достиг Александрийского столпа.
Слух обо мне пройдет по всей Руси и шире,
Что я в искусстве исполин,
И буду славен я, доколь в подлунном мире,
Жив будет хоть один грузин.

М. Туманишвили

Плечом к плечу он с русским братом
Прошел войну простым солдатом,
Плечом к плечу он вместе с ним
В искусстве шел путем большим!
В. Высоцкий.
Он так по жизни плыл, как в шторм плывет
пловец...
Бывало, нарушал порядок строгий флотский.
Но неспроста он был артист, поэт, певец.
Нет, неспроста он был Высоцкий!

Г. Товстоногов

Михаил Минеев

Р. Чхиквадзе

Иные спрашивают нас:
«Скажите, кто такой Рамаз?
Его возносят до небес!
Он Оливье? Габен? Фюнес?»
Ответ иным у нас простой:
Рамаз Чхиквадзе сам большой!

Л. Гудиашвили

В искусстве живописи он козырный туз.
По сущности – грузин, по внешности – француз.

С. Закаридзе

«Отец солдата» стал
Навек в солдатский строй.
Геройски воевал
И пал его герой.
Он умер...
Он легендой стал...
Он чистым сердцем мир завоевал.

А. Райкин

Искусству сатиры он служит неплохо!
В сатире он вежа, он бог и эпоха!
И очень приятно мне, кстати, сказать,
Что любит он в наших краях выступать.

В. Чабукиани

Он имя Грузии, как флаг, пронес по свету,
Блистал в России много лет.
Он слава нашего балета!
Ему подобного в искусстве этом нет!

С. Чиаурели

Она в искусстве воспарила высоко.
Почти как мать – Анджапаридзе Верико.
И даже самым маловерным ясно стало,
Что яблочко от яблоньки недалеко упало!

В. Немирович-Данченко

Родился мальчик в Озургети,
Стал знаменит он в целом свете!
Он, русской сцены исполин,
Всем говорил: «Ведь я грузин!»

С. Юрский

Без ложной скромности могу признаться,
Остап я Бендер лучший, братцы!

Ф. Шаляпин

Он в пении достиг небесной выси...
Не зря, видать, учился петь в Тбилиси!

При этом сам автор относится к себе как бы не всерьез, с иронией, подчеркивая, что он «только артист по фамилии Злобин», не более того:

«Стою перед вами, как будто раздет. И думаю: кто я? Художник? Поэт? Ведь был я артистом, как помнится мне (И в этом я даже уверен вполне!). В сомнениях творческих грустно вздыхаю, Что я не поэт, а бумагу мараю, Что бог мне таланта такого не дал, А то бы... А то б я как Пушкин писал! И так уж тогда бы умел рисовать я, Что Репин меня заключил бы в объятия!»

В отличие от Игоря Злобина Михаил Минеев

считал себя профессиональным художником. Ведь окончив школу, он в 1936 году поступил в Тбилисскую Академию художеств. Правда, проучился там недолго – чуть более года, и, хотя был одним из лучших студентов, любовь к театру все же пересилила. Минеев перевелся в студию при театре им. А.С. Грибоедова.

«Отец никогда не оставлял свое первое увлечение – карандаш и кисть, – вспоминает сын актера Игорь Минеев. – Он сотрудничал со многими журналами, газетами – «Заря Востока», «Вечерний Тбилиси», «Лело», «Советский спорт». Рисовал в них не только заставки к различным рубрикам, но и публиковал десятки карикатур на злободневные темы.

В Грузии отец известен был также как оформитель различных выставок, новогодних елок, как прекрасный ретушер. В качестве художника отец сотрудничал и со многими государственными учреждениями. Так, Министерство культуры Грузии, зная отца как прекрасного ретушера (консультанта, а затем и главного художника своего производственного цеха), попросило его к юбилею театра Марджанишвили с маленькой и бледненькой фотографии нарисовать портрет знаменитого основоположника грузинского театрального искусства. Отец выполнил это ответственное поручение (все единодушны – с блеском), и портрет стал лицом марджановского театра. Интересный факт. Все фотографии Константина Марджанишвили в интернете взяты с этого, выполненного отцом, портрета!»

И все-таки Минеев среди окружающих был известен не столько своими картинами или изображениями известных людей, сколько много-

Автошарж

Г. Товстоногов

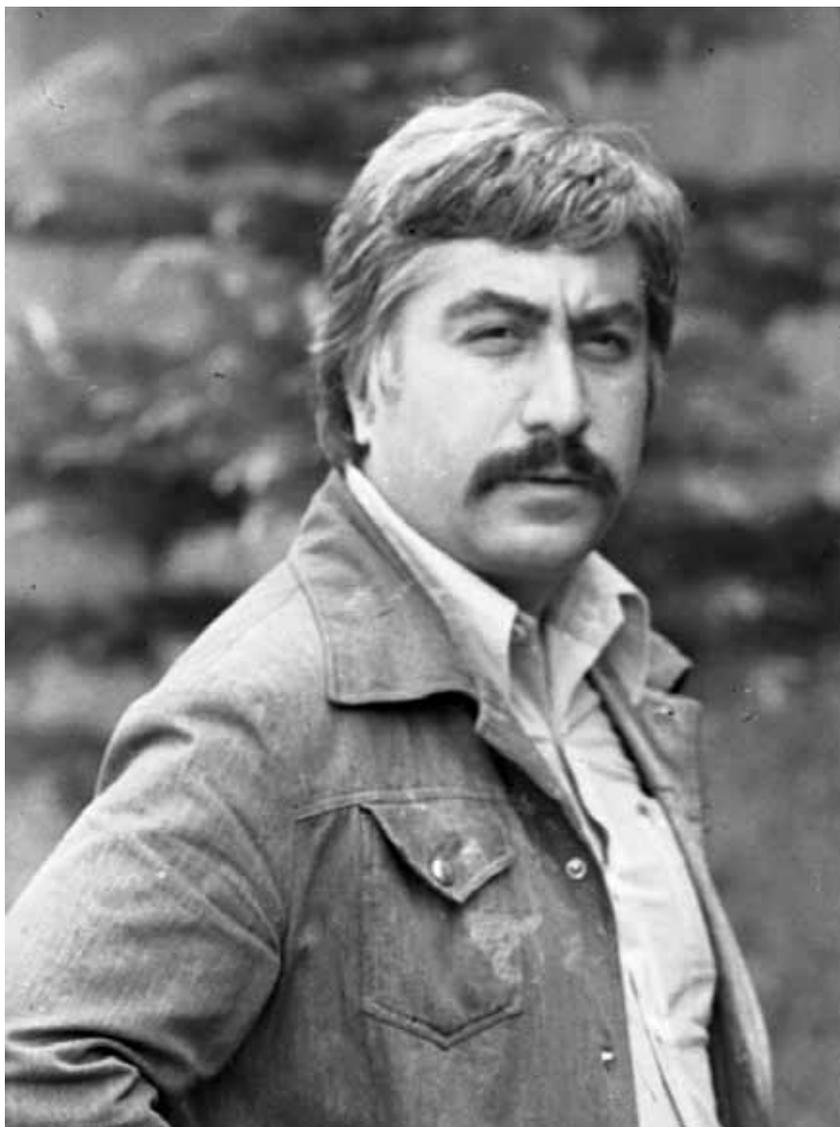
численными шаржами. Он никогда не расставался с карандашом и бумагой. Умение быстро схватить основные характерные черты лица, быстро набросать их на бумаге и преподнести этот дружеский шарж изображенному человеку было неотъемлемой частью его общения. Где бы ни гастролировали грибоедовцы, во всех городских изданиях публикации о театре и его репертуаре всегда выходили с дружескими шаржами Михаила Петровича.

На карандаш Минееву попадали не только коллеги, но и многие актеры из других театров страны (большинство в сценических образах), известные деятели искусства и культуры (особенно Грузии), спортсмены.

Конечно, многие шаржи потеряны, поскольку они набрасывались в «полевых» условиях (на встречах, во время застолий и путешествий), рисовались и сразу отдавались на память, потому что ксероксов или чего-либо подобного тогда не было. Сохранились в основном те, что готовились к печати либо рисовались неоднократно.

Игорь Минеев бережно сохранил творческое наследие отца и передал журналу «Русский клуб». Среди этого богатства – множество дружеских шаржей. Михаил Петрович, плодотворный художник, запечатлел цвет культуры: Элину Быстрицкую, Игоря Ильинского, Яна Френкеля, Константина Станиславского, Расула Гамзатова, Аркадия Райкина, Михаила Жарова, Анатолия Папанова, Геннадия Хазанова, Виктора Розова, Майю Плисецкую, Муслима Магомаева, Зураба Соткилава, Вахтанга Чабукиани, Сергея Юрского, Евгения Лебедева, Кирилла Лаврова, Ираклия Андроникова, Ладо Гудиашвили, Отара Тактакишвили, Джансуга Кахидзе, Серго Закариадзе, Котэ Махарадзе, Отара Коберидзе, Верико Анджапаридзе и многих-многих других.

По свидетельству сына, отношение Михаила Минеева к двум излюбленным музам можно охарактеризовать так: «художество – промысел, средство дохода и одновременно удовольствия, работа в театре – увлечение и страсть всей жизни».

Гоги Кавтарадзе

«ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ИСКУССТВО, ЗАТРАГИВАЮЩЕЕ СЕРДЦА»

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Замечательному режиссеру и прекрасному актеру, Народному артисту Грузии Георгию (Гоги) Кавтарадзе в апреле исполнилось 80 лет. Он прошел очень долгий и сложный путь в искусстве, соединив в себе четыре ипостаси: режиссера, актера, педагога и руководителя театра. «По профессии я режиссер. Актерство вторично, хотя обычно бывает наоборот. Но я вообще родился немного «наизнанку». Чтобы поступить на режиссерский, нужно было иметь двухлетний трудовой стаж по будущей специальности. И после школы я пошел работать в театр

Марджанишвили, был чем-то вроде помощника режиссера. А в театре вечно что не так: кто-то заболел или опоздал – надо подчитать или подбросить реплику. Тогда и заметили меня. Я честно отработал два года и поступил на режиссерский. В то время Гига Лордкипанидзе ставил «Я вижу солнце», а в марджановской труппе не было артиста на роль мальчика. И он пригласил меня. Потом я играл в Театре Руставели у Стуруа – тоже мальчика. А там пошло кино...», – вспоминал Кавтарадзе в одном из интервью.

В 29 лет он возглавил Батумский драматический театр, потом вернулся в Театр имени Ш.

Руставели, затем стал художественным руководителем и директором Кутаисского театра, а позднее – Сухумского. За этим последовали Тбилисский театр имени Грибоедова и, наконец, Руставский... Позже Кавтарадзе пытался проанализировать свой путь в книге «Мои ошибки»: были ли его скитания из театра в театр действительно ошибками или нет? «Да, я руководил не одним театром! И знаете почему? Я скоморох! Я человек, который родился... на дороге! Скитания – это определенный уклад жизни, свойственный именно человеку моей профессии. Из этих скитаний создавалась моя биография», – полушутя-полусерьез говорил Георгий Георгиевич. Он всегда считал профессию режиссера миссией, например, если режиссер объективно способствует решению национального вопроса или других политических, или иных проблем. Причем выполнял свою миссию Кавтарадзе не только на родине, в Грузии, но и за рубежом – в России (в Ростове и Таганроге), в Словакии, Болгарии.

А в Грибоедовский театр в качестве художественного руководителя Георгий Кавтарадзе пришел в 90-е годы – очень сложный для Грузии и для грузинской культуры период. И оставался на этой должности семь с половиной лет, создавая, по собственному признанию, «эмоциональное искусство, затрагивающее человеческие сердца». В первую очередь, на материале русской классики – «Яма» А.Куприна, «Анна Каренина» Л. Толстого, «Вишневый сад» А. Чехова, «Женщина» Л. Андреева (по пьесе «Екатерина Ивановна»). При этом театр, вместе со всем грузинским театральным искусством, переживал серьезные экономические трудности. Грибоедовцы не получали зарплату, голодали, репетировали и играли в неотапливаемом помещении. Многие актеры вынуждены были покинуть страну. Но театр вопреки всему жил и выпускал новые спектакли. Хотя находились пессимисты, предрекавшие чуть ли не гибель театра. Причем прямо накануне 150-летнего юбилея. «Театр живет и рабо-

Сцена из спектакля «Вишневый сад»

тает, – говорил Г. Кавтарадзе в одном из интервью. – Не знаю, кто распространяет досужие вымыслы о нашей смерти. Посмотрите на наш репертуар – он говорит сам за себя. Да, у нас есть проблемы. В первую очередь, материальные. Но вообще русский театр в Грузии никогда не был пасынком. У всех была потребность ходить сюда – независимо от национальности».

Первой постановкой Г. Кавтарадзе на грибоедовской сцене был Чеховский «Вишневый сад», единодушно признанный удачей режиссера. В 1994 году, на I Международном чеховском фестивале, проходившем в Таганроге, спектакль получил высокую оценку. Вот как вспоминает об этом сам Георгий Георгиевич: «Это был мой любимый спектакль... Он родился в тяжелое время, когда не летали самолеты, не было денег... Но Николаю Николаевичу Свентицкому, директору театра, удалось организовать

военный самолет, мы погрузили в него декорации и отправились на I Чеховский Международный театральный фестиваль в Таганроге. Там не вручалось призов и премий, но были серьезные критики, которые давали неофициальные оценки спектаклям. И наш «Вишневый сад» прекрасно восприняли, несмотря на то, что на фестивале были представлены лучшие театры».

Театровед Лана Гарон в своей рецензии отметила, что «Вишневый сад» Кавтарадзе точно отразил процессы, происходившие в современном обществе:

«Расшатавшийся век на излете. Он требует осмысления. Свой приход в Грибоедовский театр в качестве художественного руководителя Кавтарадзе ознаменовал постановкой в 1992 году «Вишневого сада» А.П. Чехова.

Крупный, размашистый и четкий режиссерский почерк Кавтарадзе, его трезвое отношение к персонажам и свободное про-

чение классического текста со всей определенностью демонстрируют, что он не питает иллюзий по поводу происходящего. Самое интересное в спектакле то, что не вполне соответствует представлениям о «чеховском стиле». Перед нами и не тот случай, когда постановщик, зная, «как надо», сознательно искажает пьесу, нагружая ее несвойственными для нее мотивами, выворачивая на свой лад ради оригинальничания и самопоказа. Для этого режиссера, в это время, в этой стране (добавим еще: в этом театре и с этими артистами) его решение – со смещенными акцентами, новыми ударениями и неожиданными зазорами – естественно и единственно возможно. Именно здесь кроются удача и художественная правда.

В спектакле есть главное действующее лицо – Лопухин (Д. Сихарулидзе). Он – главный, потому что он действует, а другие – нет. Он становится центром притяжения и оттал-

Сцена из спектакля «Анна Каренина»

кивания всего, что происходит. Все остальные персонажи рассматриваются не столько сами по себе, сколько в их связях и пересечениях с Лопахиным. Деловой, трезвый человек, коммерсант, нисколько не романтик и не лирик. Цветущий мак не вызывает у него восторга (как было у Владимира Высоцкого), слова звучат вяло и тускло. Но зато выпукло, «вкусно» Лопахин произносит прозаическое: «Все равно циркуляция дела не в этом». ...Этот Лопахин имеет виды на Аню, и Аня (И. Мегвинетуцеси) очень замаскированно, но отвечает ему. Жизнь с Петей (Э. Кухалеишвили), никчемным пустословом, лишенным здоровья, ее не прельщает. Она пытается повернуть его к реальности, но безуспешно. Их общие мизансцены Кавтарадзе всегда выстраивает так: впереди – Аня, за ней – Петя. Она устремлена в новую жизнь, которая для нее нечто другое, чем для Пети Трофимова.

В этом распадающемся на части мире, о котором рассказывает спектакль Гоги Кавтарадзе, Ане нужен человек устой-

чивый, могущий поддержать. Аня – персонаж нашего времени: она трезва и обыденна. Обыденность – ее главная черта. В большом монологе, который в прежних спектаклях всегда звучал возвышенно и лирически, у тбилисской Ани – лишь холодная, ясная и спокойная констатация факта: начинается новая жизнь, мама. Как данность, как фиксирование случившегося. С тем же каждодневно сталкиваются и зрители тбилисского спектакля: началась новая жизнь, она требует каких-то иных, новых качеств, надо научиться жить по-другому, научиться покупать и перепродавать, научиться считать деньги... И слова Гаева (В. Харютченко) «Я – банковский служака, я – финансист» воспринимаются, как узнаваемые сегодняшние реальные проблемы. То время кончилось. Начинается другое. Вот деловой и трезвый посыл Ани. «Мы насадим новый сад!» – в голосе ее звучит ярость, но лицо обращено к Лопахину. В сценической чеховиане – это новый и любопытный мотив, который мог появиться только в конце XX века. В финале, после звука лопнувшей струны,

в рамках появились персонажи спектакля. Они стояли спиной к нам и с вытянутыми вверх руками. Но вот зазвучали резкие звуки – рубили деревья. И с каждым ударом руки падали, как подрубленные деревья. Или люди?.. Потом внезапно фигуры повернулись к нам: на всех были белые маски, и руки были опущены с открытыми к нам ладонями...».

Обратившись к купринской «Яме», Гоги Кавтарадзе коснулся так называемой запретной темы, о которой до сих пор не принято было говорить со сцены, – проблема проституции. Он разрабатывал ее и в дальнейшем – на современном материале. К тому же с этим спектаклем в творчество режиссера вошла его излюбленная женская тема, продолженная Кавтарадзе на материале произведений Льва Толстого и Леонида Андреева.

Интерес вызвал спектакль «Женщина» Л. Андреева. Родоначальник русского экспрессионизма – редкий гость на театральных подмостках. Но Кавтарадзе смело взял за исследование тайн женского естества, могучей, неуправляемой

стихии пола. Действие предв-
ряла сцена с библейскими моти-
вами греха и искупления. Этой
идеей был пронизан весь спек-
такль. Наиболее спорный об-
раз – Екатерина Ивановна. Те
необратимые изменения, кото-
рые в ней произошли, психоло-
гически были вполне оправда-
ны. Что случилось с героиней?
Душевный надлом? Нет, над-
лом гораздо более серьезный
– духовный. Душевные раны со
временем затягиваются, гораз-
до труднее залечиваются бо-
лезни духа... Недоверие мужа,
его несправедливые обвинения,
безобразная сцена покушения
на ее жизнь, разрушившая в
итоге семейные устои, привели
к серьезному «сдвигу» в Ека-
терине Ивановне, полнейшей
трансформации ее личности.
В спектакле грибоедовцев она
была не изначально порочным
существом, испорченность ко-
торого была до времени скры-
та. Отнюдь. Априори Екатерина
Ивановна – чистый и честный

человек. Просто она, как писал
сам Леонид Андреев, «танцую-
щая женщина». Такие, как она,
«танцующие», легче всего ло-
маются, когда их гармоничное
«кружение» грубо прерывается.
Именно так и произошло с Ека-
териной Ивановной, какой ее
играет Людмила Артемова-Мге-
бришвили. Красивый, чистый,
цельный человек попадает в
обстоятельства, разрушающие
красоту, чистоту и цельность.
Вместо них приходят уродли-
вость, дисгармония... грязь. Рай
уступает место Аду.

...Через весь спектакль про-
ходила тема полета. Руки-кры-
лья Екатерины Ивановны под-
нимаются и... падают как плети.
Она хочет, но не может взле-
теть. «Раньше, когда-то руки у
человека были крыльями. И ты
по-прежнему летаешь во сне?»,
– спрашивает жену Стибелев
(Д. Сихарулидзе). «Нет», – от-
вечает она. Несколько раз по ходу
действия Екатерина Ивановна,
раненая, больная птица, подхо-

дит к окну, движимая желанием
выпорхнуть, вырваться. Чего
она хочет? Свободы, смерти,
Голгофы? Ее крылья-руки бес-
сильны, слабы... Но в финале
Екатерина Ивановна прорыва-
ется сквозь тьму в свет, взле-
тает на своих кроваво-красных
(окровавленных?) крыльях,
восходит на Голгофу.

Критик Важа Брегадзе фик-
сирует внимание на другом мо-
менте – «генетическом» коде
взаимоотношений мужчины и
женщины, их трагической и веч-
ной предопределенности.

«Кажется, постановщики
спектакля Георгий Кавтарадзе и
Лейла Джаши услышали в пье-
се именно этот грозный мотив,
уловили его с самого начала.
Потому вся так называемая ба-
нальная «требуха» жизни при-
обретает в спектакле масштаб,
перестает быть «банальщиной»,
выводит героев пьесы на траги-
ческие высоты. Именно пере-
растание пошлого и привычно-
го, низменного и порочного в
высокое позволяет говорить о
том, что спектакль состоялся в
главном: он вслед за Андрее-
вым возвысил человека в его
драматическом и жалком бы-
тии».

За Екатериной Ивановной
последовал еще один женский
образ – Анна Каренина. Вполне
логично, что Георгия Кавтарад-
зе заинтересовало именно это
произведение (кстати, после
первой постановки А. Ридалю, в
которой блистала Людмила Вру-
блевская, прошло ни больше ни
меньше шесть десятилетий!). В
центре его пристального внима-
ния вновь оказалась загадоч-
ная, мятущаяся, грешная жен-
ская душа, которая «сама не
знает, чего хочет и куда идет».
Она приносит в окружающий
мир трагическую дисгармонию
и неизбежно гибнет сама, увле-
каемая потоком неудержимой
стихии.

Г. Кавтарадзе предложил
зрителям сценическую версию
в двух частях по отдельным гла-
вам романа, не претендуя на
полноту и всеохватность. Фабу-
ла Левин-Кити сведена к мини-
муму, и основной акцент сделан
на треугольнике Каренин – Анна
– Вронский.

В роли Анны Карениной вы-
ступила Ирина Мегвинетухуце-

Сцена из спектакля «Анна Каренина»

си. Во всем ее хрупком, словно сжатом в комочек, облике ощущалась беззащитность, растерянность перед свалившимся на нее роковым чувством, обернувшимся несчастьем. Особенно удались актрисе монологи: после тяжелых родов и перед самоубийством. Ирине Мегвинетухуцеси ни разу не изменило чувство меры, а ведь граница, отделяющая подлинный трагизм от мелодраматизма, так тонка...

В образе Каренина предстал Валерий Харютченко. Актер отступил от традиционной трактовки – в его педантичном внешне Каренине трепещет живая душа, бьется огненная мысль. Это вовсе не «машина, и злая машина, когда рассердится», а тонко чувствующий человек с неизжитыми страстями и мучительными духовными исканиями.

Сцена из спектакля «Распутин»

Сцена из спектакля «Распутин»

Всех, кто видел спектакль, поразил его финал – надвигающееся чудовище со страшными желтыми фарами – поезд и черный прозрачный «газ», окутавший жертву, – Анну Каренину. Впечатляла сценография спектакля (Бидзина Кавтарадзе) – начиная с тревожного света вокзальных фонарей и кончая письменным столом Каренина со всеми необходимыми аксессуарами; игрушечной железной дорогой, которой играет маленький Сережа. Постоянно присутствовал на сцене «черный человек» (Темур Шотадзе) – так в спектакле была выражена тема рока.

Вронского сначала играл Дмитрий Библашвили. Затем в спектакль ввели Нико Гомелари – эта роль стала его успешным дебютом на грибоедовской сцене. В образах Кити и Левина предстали молодые актеры Анна Балакирева и Сергей Дроздов.

«Новая премьера грибоедовцев – режиссерский спектакль. Это с первых же мизансцен до последних спящих глаза огней надвигающегося поезда – детище постановщика, художественного руководителя театра, Народного артиста Грузии Георгия Кавтарадзе. Почерк этого замечательного мастера не спутаешь ни с одним другим... Работа сделана. И сдела-

на блестяще. Спектакль получился. Тронул за живое зрителя. Не изменив при этом великому Льву».

С режиссером Гоги Кавтарадзе на сцену театра Грибоедова вновь вернулись темы остро социального звучания – впервые на грибоедовской сцене была осуществлена постановка одной из самых социальных пьес норвежского драматурга Генрика Ибсена «Доктор Штокман».

Если коснуться истории постановки этой пьесы, то из-за своей сложности она стала крепким орешком для многих режиссеров – впрочем, как и образ доктора Штокмана для исполнителей. Тем не менее доктор Штокман стала любимой, «одной из немногих счастливых ролей», по его собственному признанию, Константина Сергеевича Станиславского. В Грузии ибсеновского героя сыграл замечательный актер Гоги Гегечкори.

Кто он, доктор Штокман? На чей-то взгляд, это фанатик, готовый ради идеи, принципа пожертвовать не только своим благополучием, но и благополучием близких, экстремист, способный погубить родной город. А другие увидят в нем честного человека, порядочного ученого, вовлеченного в сложную борьбу. Штокман в спектакле грибоедовцев – его играл Валерий Харютченко – сочетал в себе мягкость интеллигента и твердость духа, незащищенность и мужество. За его чудаковатостью скрывалась целеустремленность и умение отстаивать свои принципы до конца.

Интересно было наблюдать за развитием образа Штокмана в спектакле. Вначале это поглощенный своей работой, несколько эксцентричный человек науки, далекий от политических дрызг и интриг, конъюнктуры. Он взволнован сделанным открытием о зараженности источника водолечебницы, ищет возможности исправить создавшееся положение, угрожающее жизни людей. Но обыватели, живущие лишь соображениями сиюминутной выгоды, ведь водолечебница – источник их благосостояния, не слышат голоса разума, и предают Штокмана анафеме.

Сцена из спектакля «Грузинская классика»

И мы видим его другим – растерянным, пораженным слепотой и предательством окружающих. Доктор ставит «диагноз» своим согражданам: «Все наши духовные жизненные источники отравлены, вся наша жизнь зиждется на зараженной ложью почве!»

Запомнились сцены-споры Штокмана с его братом – мэром города (прекрасная работа Нико Гомелаури). Этот холодный, самоуверенный, амбициозный чиновник – полная противоположность подвижному, импульсивному брату. Главная движущая пружина всех его поступков – стремление любым путем сохранить за собой высокий пост.

Эмоционально насыщенной и впечатляющей в спектакле была сцена собрания. Георгий Кавтарадзе поместил актеров – участников собрания в зале. В духе времени, когда пробуждалось гражданское самосознание тех, кто пришел на спектакль. Они были словно вовлечены режиссером в

действие, сопереживали происходящему, сочувствовали доктору Штокману, бросающему обвинения согражданам. Потому что за пределами театра наблюдали то же самое: борьбу политических партий за власть, пренебрежение общественными благами, приоритет личной пользы, использование служебного положения в своих интересах, обострение экологической ситуации. Все это характерные приметы времени. Важен и нравственно-психологический аспект. Каждый из нас, как Штокман, ежедневно стоит перед выбором...

Г. Кавтарадзе в поиске правды жизни заглянул однажды и в камеру предварительного заключения: поставил спектакль «Белые флаги» по произведению Н. Думбадзе. Калейдоскоп человеческих типов, представленных в постановке (романе), весьма разнообразен. Достаточно сказать о Тигране Гулояне в колоритном исполнении самого Гоги Кавтарадзе. Впрочем, и тяжесть преступных де-

Сцена из спектакля «Запасной аэродром»

яний, приведших их сюда, тоже неодинакова. Кто-то убил, кто-то украл, кто-то укрывается от уплаты алиментов. Есть среди них «крутые», есть расхититель государственной собственности, есть люди, попавшие сюда по роковому стечению обстоятельств. Но все они, так или иначе, «преступники, воры, убийцы, сволочи», поправшие нравственный закон. Каждый несет ответственность за совершенный поступок. Ведь нравственная планка достаточно высока, и соответствовать ей не просто. Это – вершина, над которой развеивается белый флаг – своего рода нравственный императив, высший принцип нравственности. Режиссер считал необходимым напомнить о нем в контексте новых социально-исторических реалий, искаживших представления многих современников о совести и сути десяти заповедей.

«Каждому персонажу он (Г. Кавтарадзе. – И.Б.) четко определил его, и только его место в развитии действия, каждому придал черты особой характерности, особого мышления, если угодно, его неповторимости. Такая четкость режиссуры обеспечивает необходимый контакт со зрителем... Должна отметить,

что такое точное и продуманное распределение ролей редко увидишь. В спектакле много ярких образов создано актерами. Прекрасный образ Тиграна Гулюяна создает сам Гоги Кавтарадзе. Трудно было поначалу узнать в Тигране исполнителя роли. Тучный, неповоротливый, какой-то черный, обросший бородой, этот Гулюян нес в себе что-то нечеловеческое, страшное, звериное. Вот уж и впрямь перевоплощение! Сдержанно, степенно, но глубоко проникновенно сыграл Исидора Саларидзе Джемал Сихарулидзе. В исполнении актера – печаль и душевный надлом, желание проанализировать свершившееся, разлад между своей виновностью и объективно страшной виной. Показался Лимон в исполнении Дмитрия Бибилашвили. Актером взят какой-то поистине новый ракурс в осмыслении образа. В нем живет безудержная сила, ожесточение, даже озлобленность... С оттенком характерности образа Мошиашвили сыграл свою роль Темур Шотадзе... Как всегда, раскованно и легко создает образ Галактиона Чеишвили Элизбар Кухалеишвили. Тонкий юмор, соединенный с оттенком грусти и душевной неустраоен-

ности, продемонстрировал В. Харютченко в роли Шошии».

Данью новому времени стал спектакль «Распутин» по пьесе популярной французской писательницы Моник Лашер. Он был интересен отнюдь не драматургией автора многочисленных пьес на историческую тему, но, в первую очередь, яркой актерской работой заслуженного артиста Грузии Джемала Сихарулидзе, сыгравшего Распутина, – за нее он был удостоен приза как лучший актер.

Вероятно, исходя из библейского «любовь спасет мир», Гоги Кавтарадзе выпустил спектакль для двоих под названием «Запасной аэродром» грузинского драматурга А. Чхаидзе. И сыграл в этой театральной истории любви в паре с заслуженной артисткой Грузии Людмилой Артемовой-Мгебришвили.

Николай Свентицкий, директор театра Грибоедова:

– Дорогой Гоги, прими сердечные поздравления с юбилеем! Пусть эта радостная дата станет для тебя рубежом новых перспектив и творческих успехов. Пусть впереди будут дни, наполненные светом, заботой близких и поддержкой преданных друзей. Желаю тебе здоро-

Сцена из спектакля «Яма»

вья, жизненной силы и энергии, чтобы на своем пути встретить еще не один юбилей!

Лана Гарон, театровед:

Дорогой Гоги! Сердечно, от всей души поздравляю тебя с Днем рождения, с прекрасной юбилейной датой! Живи свободно, как ты умеешь! Будь здоров! Будь счастлив! Помню, с какими трудностями и препятствиями добиралась я на первую премьеру Гоги Кавтарадзе в качестве нового главного режиссера русского Грибоедовского театра. Это был 1992 год. Только что закончилась война. Еще раздавались по ночам одиночные выстрелы. На проспекте Руставели в самом центре города – остовы зданий, полуобгоревшие дома, развалины. По ночам – выстрелы. Днем – звуки молотков рабочих, восстанавливающих Тбилиси. И, вопреки всему... работал театр! Премьера – «Вишневый сад» Чехова! Первое, что бросилось в глаза, графичность спектакля. Не текучесть, не децентрализация, не размытость и неопределенность, принятые в чеховской

поэтике. Напротив – подчеркнутость, завершенность: в сценографии, в характерах, в мизансценах. Два основных цвета спектакля – белый и вишневый.

Режиссер намеренно подчеркивал внешнюю неотличимость разных групп и сословий, господ и слуг, интеллигентов и хамов: все «подравнялись», все стали похожи. В его замысле это один из важнейших современных мотивов. Спектакль Гоги Кавтарадзе – одно из самых сильных впечатлений в моей «Чеховской копилке».

Нина Дарчиашвили-Цибульская, актриса:

– Поздравляю с юбилеем Георгия Георгиевича Кавтарадзе. Желаю здоровья, счастья и удачи на творческом пути. Мне довелось поработать в его спектаклях «Анна Каренина» Толстого, «Яма» Куприна и «Вишневый сад» Чехова, за что я ему бесконечно благодарна!

Валерий Харютченко, актер:

– Наша жизнь – череда событий, встреч, разлук, радостей

и горестей. Мы что-то забываем, что-то помним. День сменяет ночь, наступает утро, и мы вновь спешим успеть сделать то, что не успели сделать вчера. Сегодня, когда весь мир «коронован» и все уравниены тотальной опасностью, особенно хочется пожелать здоровья и удачи человеку, с которым были связаны многие годы совместной творческой жизни. Человек этот знаменитый и любимый многими Народный артист Грузии Георгий Георгиевич Кавтарадзе. Его талант и обаяние принесли ему заслуженный успех как в кино, так и в театре. С 1992 по 1999 годы Георгий Георгиевич возглавлял наш театр. Я с благодарностью вспоминаю все наши спектакли, репетиции, поиски. Помню и люблю своих героев из его постановок – Коромыслова, Гаева, Шошиа, Каренина, Доктора Штокмана, Гостя из спектакля «Грузинская классика». Они часть моей души, и я благодарен вам, Георгий Георгиевич, за творческое доверие. Желаю всяческого благополучия, здоровья и радости вам и вашим близким!

СКАЗКИ ГРУСТНОГО ЧЕЛОВЕЧКА

■ Екатерина ХИНЧАГАШВИЛИ-КАПАНАДЗЕ

МУДРОСТЬ

Розу эту вырастили из семени. Из многих сотен семян выжила лишь она. Ее оберегали, лелеяли, за ней особо ухаживали. Роза думала, что ее любят, а на любовь надо отвечать любовью. И Роза всячески старалась быстрее вырасти и расцвести. Она очень сильно старалась и у нее это получилось. Выросла Роза и из нее получился большой пестрый розовый куст. Такого цвета роз до нее не суще-

ствовало, поэтому на выставке цветов с ее помощью можно было получить много денег.

А деньги – это очень важно для людей. Роза тогда не понимала этого. Она прикладывала все больше и больше усилий, чтобы быть еще красивее и приносить людям радость и пользу. Но через несколько лет оказалось, что бутончики Розы не могут размножаться, а сама Роза старела и не могла давать хозяевам много новых цветов.

Случилось то, что часто случается в жизни людей. Хозяева потеряли к Розе интерес. Она уже, как раньше, не приносила им большой прибыли. На Розу не обращали внимания. Сначала ее просто выставили на балкон, а когда понадобился цветочный горшок для нового дорогостоящего цветка, вовсе пересадили во двор у забора. Через несколько лет Розу совсем забыли.

Роза не умерла, но сил для жизни у нее осталось очень мало. Она ослабла, так как сорняки мешали дышать ее корням. Листья поблекли, головка опустилась. Бутоны не появлялись...

– Наконец, у нас есть дача!

– Да дорогая, а через некоторое время наша дача превратится в царский дворец с прекрасным садом. Ведь я Король и у меня самая красивая Королева, и самая прекрасная принцесса!

Роза вздрогнула и слегка приподняла головку. Она уже

давно не слышала людских голосов, да ей не очень-то и хотелось их слышать. Ведь ничего хорошего они ей не напоминали.

– Ай! Папа! Мама! Я укололась! Выкиньте этот ужасный куст! – плакала маленькая девочка.

– Покажи пальчик. Ну что с тобой? Ничего нет. Все в порядке. Будь просто осторожней, – улыбнулась мама и поцеловала свою принцессу в пальчик.

– Выкинь этот ужасный колючий куст! – не переставая ныла девочка.

– Почему? – удивленно спросил папа. – Это же Роза. Посмотри, как ей плохо здесь, она наверняка просто защищалась. Мы о ней позаботимся: освободим от сорняков, польем водичкой с витаминами, и ты увидишь, какой прекрасной и ласковой она станет. Это были слова мудрого человека.

Слово Короля – закон!

Через несколько дней Роза и вправду оказалась очищенной от сорняков и сухих листьев, ее даже подвязали и полили водой с витаминами. От такой заботы Роза расплакалась, на ее листиках появились маленькие капельки росы. Приподняв слегка головку, она, осторожно оглянувшись и не увидев опасности, глубоко вздохнула и посмотрела на солнце, будто спрашивала его: «Неужели это происходит

со мной?»

Каждый день маленькая принцесса приходила к ней, здоровалась, рассказывала о своих девичьих делах и поливала из своей маленькой лейки. Девочка не боялась уколиться, она уже знала, как нужно обращаться с Розой и даже иногда ласкала ее своей маленькой ручкой.

От такой детской заботы и любви у Розы стали появляться бутоны, а в одно утро они расцвели.

Утром, после завтрака, принцесса, как обычно, вышла на балкон и посмотрела в сторону Розы.

– Чудо! Чудо! У нас в саду случилось чудо! – Девочка не бежала, она словно летела к Розе, а приблизившись, замерла. Она боялась не только пошевелиться, но и дышать, чтобы не напугать Розу.

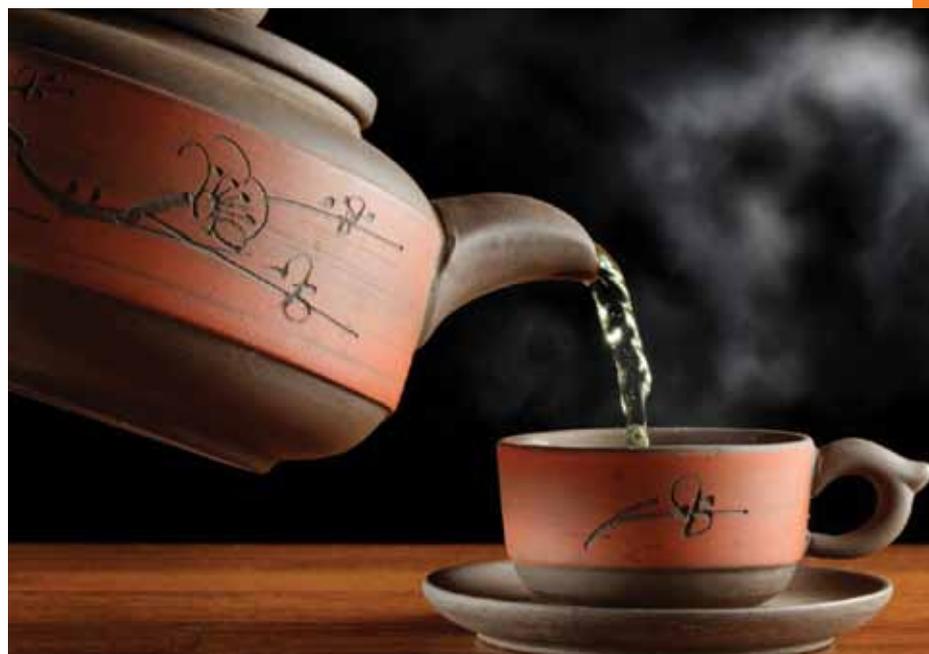
На восторженный крик дочери прибежали родители, и бабушка с дедушкой, даже соседи. Около Розы все остановились, затаив дыхание. Такого красивого цветка еще никто никогда не видел.

– Когда любишь по-настоящему, тебе тоже отвечают любовью, – сказал Король, нежно обняв свою самую красивую Королеву.

ЛЮБОВЬ

В этом доме всегда имелся лед и кипяток. Они были неотъемлемой частью этого дома. Кто-то вечно падал и накладывал на уши лед, кто-то простужался, закутывался в плед и постоянно пил горячий чай.

Лед и кипяток так привыкли друг к другу, что могли говорить не стесняясь на любые темы, и уже не представляли жизни порознь. Их общение незаметно переросло в дружбу, а дружба в любовь. ...Это произошло настолько неожиданно, что никто из них не понял сначала, что с ними происходит. Просто, когда наступала ночь, и лед прятался в морозилку, а кипяток оставался в чайнике, они уже не могли спокойно спать. Постоянно думая друг о друге, они

считали минуты, когда же вновь встретятся на столе. Встречи их были обычно короткими, но они довольствовались и этим. Ведь для настоящей любви время не имеет значения. Мысли друг о друге и надежда быть вместе давали им силы жить в одиночестве и терпеливо ждать коротких встреч.

Так проходили дни, месяцы, годы. Но однажды, во время их очередной встречи, кипяток случайно пролили на лед...

Лед и кипяток воссоединились.

И возникло блаженство ощущения друг друга, контраст двух миров, жары и мороза. Боль объединения перерождалась в блаженство ощущения целостности. Они полностью отдались друг другу, не думая о последствиях. Они были вместе! И больше их ничего не интересовало, больше им ничего не было нужно.

Это был пик любви. Любви, родившей чистую прозрачную жидкость. Воду! Эликсир жизни!

ЦВЕТ ЖИЗНИ

Все краски жили в разных мирах. Они понятия не имели о существовании друг друга.

Каждый жил и видел мир своим цветом: зеленый – зеленым, красный – красным, розовый – розовым, черный – черным и т.д. Жизнь их была спокойна. Когда не видишь разнообразия (добра, зла, эгоизма, зависти, сочувствия) жить легко, дышишь равномерно, так как и не плачешь, и не смеешься, и не страдаешь, и не радуешься. Ни несчастья, ни счастья. Ничего не происходит, просто живешь и все. А главное, не понимаешь, что ничего не происходит, ведь ты ничего не видел, не чувствовал, не переживал. Вот так и жили краски, каждая в своем цветном мире...

На чердаке было грязно, но очень интересно. Много странных и непонятных вещей было разбросано и покрыто большим слоем пыли. Сюда давно никто не поднимался. А маленькому любопытному мальчику все было интересно. И вот, наконец, ему удалось пробраться на чердак, на который его не пускали.

– Ну что тебе там надо? Там одно старье. Да и запачкаешься.

Но мальчика все больше и больше тянуло туда. ... На чердаке действительно было очень

грязно, но мальчикам в таком возрасте даже паутина кажется чудом. А на чердаке было столько интересного: кресло-качалка, на которой можно было качаться, большое зеркало, которое искажало отображение, как в комнате смеха, огромные сундуки, запертые на старинные висячие замки и много других интересных вещей.

Рассматривая эти загадочные вещи, мальчик не переставая что-то искал. Он сам не знал, что именно ищет, но это что-то ему было очень нужно. А не знал он потому, что мир, в котором он жил, для него не имел цвета.

У всех людей мир, как мир красок, окрашен одним определенным цветом. Вот, например, его бабушка жила в сиреновом мире воспоминаний, мама в сером мире однообразия, папа – в деловом коричневом, старшая сестра – в красном, младшая – в розовом, а брат – в черном мире рока. У мальчика же цвета не было. Ему нравилось много разных цветов, и он никак не мог выбрать один конкретный цвет, чтобы им окрасить свой мир. Вот он и искал. Искал везде и постоянно. Так он и попал

на этот заброшенный чердак, полный пыли и грязи, а также загадок.

Осмотрев все закоулки чердака и предметы, находившиеся в нем, мальчик уже решил спуститься вниз, когда вдруг заметил что-то вроде старинного чемодана. Это был небольшой, плоский деревянный ящик, закрывающийся на два маленьких металлических крючка. Мальчик стряхнул с него пыль и открыл. Ящик был переполнен тюбиками масляных красок, кисточками, в нем даже лежал уже готовый загрунтованный холст для рисования.

Мальчик вспомнил, что дедушка его бабушки был художником. Бабушка много рассказывала об этом странном человеке, каждая история из его жизни была похожа или на сказку, или на фантастический рассказ. А в один, совершенно обычный день, этот человек исчез. Просто исчез. Никто не знал как, куда и вообще, что с ним произошло. Мальчик считал, что художник жив. Просто ему очень хотелось с ним увидеться и посмотреть его картины, так как с исчезновением художника исчезли и все его картины.

Мальчик нежно провел рукой по содержимому ящика и снова

закрыл его. Сердечко ребенка билось, как молоточек: «Это подарок мне! Он сделал мне подарок! Я знал, я знал: он жив!» Ему хотелось скорее сообщить об этом всем, но он хорошо понимал, что его засмеют и поэтому, оставив ящик на чердаке (но хорошо его спрятав), мальчик спустился вниз, переоделся, помыл руки и как будто ничего не произошло сел ужинать. А позже, уже в постели, он думал: «Быстрее бы наступило утро. Все уйдут по делам, а бабушка не заметит, как я поднимусь на

чердак и спущу ящик. А где в моей комнате его спрятать?!» Так он и заснул, не переставая думать о загадочном ящике прапрадедушки.

Утром, когда все, кроме бабушки, разошлись по делам, мальчик после стандартных утренних процедур заперся у себя в комнате. Бабушка, обрадовавшись, что внук не шалит, включила телевизор и, удобно устроившись в кресле, стала вязать. Через некоторое время, как бывало всегда, когда она вязала у телевизора, она засну-

ла. Мальчик помнил об этой привычке старушки и точно знал, когда можно выйти из комнаты незамеченным. Поднявшись на чердак, он схватил деревянный ящик и быстро отнес к себе в комнату, хорошенько почистил его и открыл!

Затаив дыхание, мальчик своими маленькими ручонками осторожно вытаскивал тюбики красок и каждый досконально, по несколько минут, рассматривал. Также внимательно он рассмотрел и кисти, и натянутый холст, и деревянную пластинку с дыркой сбоку (палитру), и бутылочки с растворителем и разбавителем, и металлические лопаточки разных размеров (мастихины), и даже тряпочку, испачканную красками. На все это ушло так много времени, что, когда все вернулись домой и его позвали обедать, эти «волшебные» предметы были разбросаны у него на кровати. Мальчик, еле очнувшись, все быстро уложил обратно в ящик и положил его на дно большой матерчатой коробки для игрушек. Это было единственное место, где мама не убирала, а значит и не нашла бы ящик. Потом он с совершенно спо-

койным видом вышел из своей комнаты и сел за стол. Все было как обычно: все разговаривали друг с другом, и никто никого не слушал.

А мальчик, у которого сердечко билось, как птичка в окно, думал о тюбиках и красках; он и не знал, что на свете существует так много цветов и у каждого есть свое название. Он еле сдерживался, чтобы не побежать в свою комнату, ему так хотелось открыть каждый тюбик и своими глазами увидеть каждый цвет краски, узнать, что значит окись хрома, охра золотистая, белила титановые, сиена жженая. ... Но вечером это сделать не удалось, а ночью он, как только лег в постель, сразу заснул.

Наступило утро. Родители ушли на работу, сестры и брат – на учебу, бабушка заснула с вязкой у телевизора.

Свобода!

На всякий случай заперев дверь комнаты на ключ, мальчик вытащил ящик, положил его на пол и открыл. Он никогда не рисовал и понятия не имел, как это делается. Но любопытство и желание были настолько сильны, что все его последующие

действия были профессиональными.

Мальчик выдавил по очереди краски из всех тюбиков на деревянную пластину. Облокотив холст на спинку стула и, отойдя на несколько шагов, он две минуты молча смотрел на него, ни о чем не думая. А потом, будто сорвавшийся с цепи пес, начал рисовать. Если бы в тот момент, мальчика спросили, что он рисует, он не смог бы ответить, но его подсознание, его руки сами знали, что делать. Он не мог остановиться, его охватила какая-то жажда рисования. Какая-то волшебная сила руководила им и давала направление. Его руки сами знали, какого цвета краску надо брать и какой кистью, какие мазки и где наносить. В какие-то моменты он даже отбрасывал кисти и, обмакивая пальцы в краски, рисовал прямо ими. Появлялись какие-то непонятные линии и пятна и какие-то новые цвета.

Мальчик не понимал, что с ним происходит, но этот процесс был так ему приятен, что он не хотел окончания. Наслаждение, получаемое от создания чего-то нового и непонятного, было необъяснимым. Он был готов не переставая рисовать всю жизнь.

В доме началась паника. На обед мальчик не вышел, не вышел он и на ужин, а главное, не отвечал, когда его звали и громко стучали в дверь. Наконец, отец, не выдержав слез матери, взломал дверь.

То, что они увидели, было необычно: в середине комнаты, на полу, свернувшись калачиком, лежал мальчик и крепко спал. Он весь был вымазан красками, красками же была вымазана вся его комната: и постель, и пол, и шкаф, и... А на стуле стояла картина. Нет, это была не просто картина, это был шедевр! Конкретно на ней ничего не было нарисовано, но сочетание красок и количество их цветов завораживали. На этой картине был внутренний мир каждого человека. Каждый мог увидеть в ней себя (и плохого, и хорошего). Каждый мог найти в ней ответы на все вопросы.

Мир пестр!

Да, в жизни бывают и ужасные черные пятна, и спокойные

зеленые, и наивные розовые, и слишком веселые красные. Но, главное, ты начинаешь понимать, что все в твоих руках и свой мир ты сам можешь окрасить, а если вдруг нет того цвета, какой тебе нужен, есть друг, который даст тебе немного краски нужного цвета. И картина твоей души станет пестрой.

P.S. Делитесь цветами, умейте их смешивать и получать новые.

Учитесь рисовать у детей!

ТОРТ

Старушка впервые попробовала торт... Конечно, она и раньше знала о существовании такого сладкого изобретения и, конечно, видела его, но никогда в жизни не пробовала. Когда-то, в далеком детстве, пальчик слегка обмакнула в крем, но это разве считается. Разве можно почувствовать все блаженство от вкуса торта, облизывая слегка обмазанный в креме маленький пальчик.

И вот теперь, когда бабушке осталось жить (да что осталось, ничего и не осталось) совсем немного, она впервые попробовала торт. Большой шоколадный торт с орехами, пропитанный ромом и украшенный белыми розами из крема и множеством крупных сладких безе. Каждый кусочек таял в беззубом рту бабушки. Она не могла остановиться. Получаемое блаженство невозможно было ни с чем сравнить. Она вся дрожала, а из глаз по морщинистому лицу текли слезы.

«Где я была раньше, почему я не пробовала торт. Ведь у меня была такая возможность. Господи, сколько времени я потеряла!»

Старушка закрыла глаза и стала представлять, что она бы почувствовала, если бы впервые попробовала торт в детстве.

— Я, наверно, стала бы совершенно другим человеком. Все надо делать и пробовать в свое время.

Старушка продолжала есть торт. Торт ей принес правнук, когда узнал, что бабушка никогда его не пробовала.

— Какое время торт! Нельзя! У бабушки диабет!

Но «маленький принц» (в

глазах бабушки он стал принцем на белом коне) никого не послушал: купил самый лучший торт и тихонько пронес его в комнату бабушки.

Старушка смаковала, нет «кайфовала». Впервые в жизни кайфовала. А ее «маленький принц» сидел напротив и с любовью смотрел на счастливую бабушку.

«Ну и что, что нельзя. Ну и что, что мало осталось. Но она такая счастливая!»

КОТ

Настасья Павловна болела. Ее болезнь началась неожиданно несколько лет тому назад и захватила ее всю. Измученная и обессиленная она целыми днями сидела в кресле-качалке и ничего не делала.

Однажды весной, когда Настасья Павловна проветривала комнату, в окно влез Кот.

Большой рыжий Кот прыгнул на подоконник и с наглой рожей осмотрел всю комнату, а потом медленной мягкой походкой подошел к Настасье Павловне и осторожно, цепляясь за ее платье, залез к ней на колени, посмотрел лукаво в глаза, скрутился в комочек и заснул.

Настасья Павловна, ничего не говоря, стала ласкать животное.

Кот не переставая мурлыкал.

Кот остался жить у женщины. Они вместе ели, спали, смотрели телевизор, отдыхали и мечтали, не расставаясь ни на минуту!

Через некоторое время Настасья Павловна почувствовала улучшение. Ей легче дышалось и ходить уже было не так трудно. Дела делались быстрее, а главное Настасья Павловна начала улыбаться – появилась надежда.

В доме запахло счастьем. Жизнь стала такой же пушистой, как Кот...

Но видно Кота это не устраивало и однажды, в конце марта, он выпрыгнул из окна. Настасья Павловна ждала его, но Кот не возвращался. Он не пришел и на другой день, и на третий, и на четвертый.

Настасья Павловна ждала. Ждала и скучала. Ждала, скучала и плакала. Плакала. Злилась и плакала. И скучала. Болезнь постепенно возвращалась. У Настасьи Павловны опять начались боли, и она опять целыми днями сидела в своем кресле-качалке, прикрыв ноги пледом. Жизнь вернулась в свое русло.

Как-то летом, ночью, Настасью Павловну разбудил знакомый очень приятный звук. Она открыла глаза и увидела Кота.

Он спал у ее ног и громко храпел. По улыбающемуся лицу женщины потекли слезы, она боялась шелохнуться.

– Только не уходи! Только не оставляй одну! – думала она и чувствовала, как к ней опять возвращаются силы.

Через несколько дней Настасья Павловна опять чувствовала себя хорошо. Кот не отходил от нее. Они опять вместе ели, спали, смотрели телевизор, отдыхали и мечтали.

От хорошего ухода Кот стал еще красивее. Его шерсть блестела и светилась, как солнце, а усы стояли торчком. Но Коту этого опять оказалось мало. На улице стояла жара и он, когда женщина спала, опять выпрыгнул в окно, только на этот раз

ночью, как вор.

Утром Настасья Павловна проснулась в хорошем настроении, она улыбалась, наслаждаясь теплом заглядывающего в окна солнца. Только чего-то не хватало. Не было слышно храпа. Женщина встала, но к своему большому удивлению она не стала искать Кота. Да, в доме было тихо и пусто, но не скучно. Почему-то душа не болела, плакать не хотелось.

– Надо закрыть окно.

Прошло лето. Прошла и осень. Пришла зима...

Как-то вечером Настасья Павловна услышала мяуканье за окном. Она встала из-за стола и увидела Кота. Замерзший, худой, изможденный он тихонько скребся по стеклу и смотрел

на женщину большими несчастными глазами, прося прощение и помощь. Остолбеневшая Настасья Павловна, не отрывая взгляда от Кота, долго стояла у окна. Но когда у Кота появилась надежда и в глазах опять засияла лукавость, женщина резко задернула толстую штору. Ей уже никто не был нужен, она уже ни от кого не зависела. Она выздоровела.

Завтра она шла на новую работу.

Завтра начиналась новая жизнь.

Счастливая жизнь временно одинокой женщины.

ВИРУСЫ

Белое здание, белые комнаты, белые стены, белые потолки, белые полы, белые столы, белые бумаги, белые ручки. Даже прозрачные колбы и пробирки тоже белые. Белые бахилы, белые халаты, белые маски. Люди в белом делают черные дела.

Вы знаете, что такое Белое и Черное? Говорят, это контраст цветов. Белый символ дружбы, мира, доброты. Черный – цвет сатаны.

А на самом деле это одно и то же: как добро и зло, как красота и уродство, как женщина и мужчина. Далее черно-белая зебра одно животное (глупо, но мне смешно).

Так вот белый и черный цвета – это смесь всех остальных цветов. Учите искусство, учите физику. Или просто поверьте на слово.

Люди в белом делают черные дела. А черные дела «прекрасны». Как «прекрасен» гриб атомного взрыва, как «прекрасно» пламя пылающего дома, как «прекрасен» гроб, украшенный цветами.

На этот раз черное дело – это маленькие шарики, похожие на яичные желтки, только намного мельче и более яркого и насыщенного желтого оттенка. И у каждого этого шарика есть N-ое количество синих пузырьков. Великолепное зрелище, но страшное.

Почему он красив? Шар – форма обтекаемая. Взгляд плавно движется по гладкой линии поверхности, а цвет солнца и тепла располагают к себе, как синие пузырьки цвета воды.

Шар – цвета жизни.

Этот шар всегда существовал. Жил себе спокойно, никого не трогал, на глаза не попадался. Так нет. Люди в белом все равно нашли его, а нашли – так и не отстали. Крутили, вертели – изучали, так сказать.

– Хочешь жить, – говорят, – слушай нас!

Измучили.

А шарик хоть маленький, но удаленький. Взял и рассердился.

Слышали поговорку: «Не тронь г..., вонять не будет»?

Завоняло.

Да еще как завоняло!

Раскрыл желтый шарик свои синие пузырьки, похожие на воронки и выпустил из них еще более мелкие красные шарики. Эти красные крошки разлетелись по всему миру так быстро, что даже Люди в белом оказались бессильны перед этими «крошками», как стали называть мелкие красные шарики, вылетающие из желто-синих шариков.

Люди на планете Земля стали умирать. Умирать медленно, тихо, постепенно переставая дышать.

Через 19 часов Люди в белом вычислили, что карантин длится 19 дней.

Через 19 часов Люди в белом вычислили, что 19 крошек хватает, чтобы убить человека.

Через 19 месяцев Люди в белом вычислили, что на планете погибнет каждый 19-й человек.

А главное, Люди в белом поняли, что эти желто-синие шарики не берут взятку, как берут взятки другие шарики. К ним нужен другой подход «человеческий».

Человеческий?!

Вы уверены? А может звериный, животный или вирусный? Кажется, так правильно. Они не мучают ни за что. Они не убивают просто так, как делают это

люди.

Люди в белом в ужасе: их ШЕФ в панике. Он или убивает миллионы, или убивает на месте.

– Лекарство!!!

– Лекарство!!!

День и ночь (я же говорила; белое и черное – одно и то же). Люди в белом ищут лекарство. День и ночь они думают и экспериментируют.

Люди в белом бессильны!
SOS!!!

Через 19 месяцев, 19 дней,

19 часов, 19 минут, 19 секунд в белую дверь таинственного белого здания тихонько постучали. Дверь приоткрылась: «Помогите...», – слышался писклявый голосок.

Мальчик был таким маленьким и худеньким, что его не заметила не только охрана, но и не зафиксировали ни сигнализация, ни видеочамера.

– Помогите.

– Дезинфекция!!! Белый халат! Бахилы! – Началась паника.

– Кто ты?

– Кто тебя прислал?!

И так маленький мальчик стал еще меньше.

– Маме плохо, а папа умер... Я хочу кушать..., – малыш заплакал.

Его накормили, но сначала, конечно, помыли и продезинфицировали. Даже обняли, но не поцеловали. Да, забыла, конечно же, его проверили.

ЗДОРОВ!

Мальчика оставили в белом здании, так он стал «сыном» белого общества. Малыш из благодарности все время крутился около Людей в белом, следя, слушая и по мелочам помогая им. И они были рады, ведь это было единственной возможностью проявления добра с их стороны.

И вот однажды, когда уже и Люди в белом потеряли всякую надежду на победу над желто-синим шариком, слышался душераздирающий крик.

– Я знаю!!! Я знаю, как победить! Я точно знаю! – орал малыш, лежа на полу и бился в истерику от радости!

– Ну и как? – все собрались вокруг ребенка и, опустив головы, напряженно смотрели на него.

– Надо перед шариком извиниться.

Люди в белом были настолько уставшими и изнеможенными,

что уже не отвечали за свой поступок. Даже та маленькая искра доброты, вспыхнувшая при виде слез малыша, сразу же погасла.

Белое здание, белые комнаты, белые стены, белые потолки, белые полы, белые столы, белые бумаги, белые ручки. Даже прозрачные колбы и пробирки тоже белые. Белые бахилы, белые халаты, белые маски. Люди в белом стоят над красным пятном... Чем Черт не шутит?!

В полной тишине Люди в белом ровно через 19 часов разошлись каждый к своему боевому белому месту. Встали на колени и положив правую руку на место, где по всем правилам должно было быть сердце, опустили головы и тихо, очень тихо, извинились перед желто-синим шариком...

И шарик отпустил их. Он как все нечеловеки – оказался не-злопамятным.

GRINIKO

599 62 13 13

თბილისი

ბესიკის ქუჩა №4
ბიზნეს ცენტრი, ოთახი №102

მარნეული

შოთა რუსთაველის ქუჩა №70ა

ქუთაისი

აკაკი წერეთლის 4/4ა
სავაჭრო ცენტრი ქარვასლა, ოთახი №42

GRINIKO

რუსეთის ფედერაციის

გოტვევს

ყველაზე დაბალ ფასად

300

ლარი

- ტრანსფერი
- ავიაბილეთები
- ტურები საქართველოში
- ტურები სუბკარგარეთ
- სამომავლო დაზღვევა
- ფოტო

Мемориал памяти павших в Великой Отечественной войне на окраине села Патардзели. В него входили сельский родник, мощные, но лишенные жизни группы деревьев с колоколами на ветвях и мраморные плиты со списками погибших.

Фото Александра Сватикова